

Внуку Симону Анатолию.

Автор

Анатолий Можаровский

Будильник совести

Анатолий Можаровский

Будильник совести

Київ
2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Будильнике совести. *Поэзия.* — К.: ИПЦ «Киевский
м75 университет», 2012. — 212 с.

ISBN

В новой книге Анатолия Можаровского — правда, высказанная на высшем регистре страданий, боли и любви, дабы вразумить и спасти заблудшие и погрязшие в грехах души человеческие.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровський А.І., 2012.
© Малюк М.М. передмова, 2012.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2012.

В БЕЗУМНОМ МИРЕ, В СТРАНЕ БЕЗУМЦЕВ

В американского писателя Амброза Бирса есть потрясающий рассказ “Чикамога”. Мальчик, сын плантатора-южанина, играя в войну, которую он видел на гравюрах в книгах отца, заблудился в лесу. Усталый, в слезах, улегся в ложбинке между двумя валунами и уснул. Пока он спал, произошла стычка армий южан и северян (действие происходит во времена Гражданской войны в США). Проснувшись, мальчик ищет путь домой. На опушке у реки он встретил множество раненных, ползущих к воде. Для мальчика это было всего лишь забавное зрелище. Он вспомнил как дома негры, чтобы позабавить его, ползали на четвереньках, и он катался на них верхом, играя в лошадки. Вот и теперь мальчик подкрался к одному из ползущих и вскочил ему на спину. Человек припал грудью к земле, а потом, собравшись с силами, яростно сбросил ребенка на землю. Мальчик увидел его обезображенное лицо, на котором недоставало нижней челюсти — отсутствие подбородка и горящие глаза придавали ему сходство с какой-то хищной птицей, грудь и горло которой были окрашены кровью растерзанной жертвы. Но вот впереди, за рекой, показался свет — зарево далекого пожара. Мальчик двинулся к нему. За ним упорно ползли к воде раненные. Вскоре ребенок приблизился к огромному костру — горело какое-то здание. Зрелище радовало его, он пританцовывал, подражая пляшущим языкам пламени. Потом рассмотрелся вокруг, узнал собственный двор, увидел погибшую от разрыва снаряда мать. Из горла его один за другим вырвались бессвязные, непередаваемые звуки. Ребенок был глухонемой...

Я вспомнил этот рассказ, читая поэзию Анатолия Можаровского, поняв вдруг, что современное украинское общество воспринимает действительность как тот глухонемой мальчик из рассказа Бирса — вроде бы и видит все ужасы нынешней жизни, но не понимает, что происходит, продолжая беззаботно искать развлечений.

Поэзия Анатолия Можаровского на читателя, привыкшего воспринимать литературу как игру воображения и средство от скуки, действует шокирующе, вызывает протест и непонимание, а часто и просто пугает мощью сконцентрированной правды. В каждом стихотворении Анатолия Можаровского факт реального бытия, свершающийся в хронологически определенном времени и пространстве, (на чем автор акцентирует особо, датируя каждое стихотворение), факт, неподвластный авторскому произволу и эстетизации, но проверенный на соответствие высшим Божьим Законам. Так в современной украинской да, пожалуй, и в мировой литературе никто не пишет. Это стиль библейских пророчеств и откровений, где правда высказывается на высшем регистре страданий, боли и любви, дабы вразумить и спасти заблудшие и погрязшие в грехах души человеческие. Отсюда, соответственно, и лексика (равное использование слов литературного языка, просторечья, иногда ненормативной лексики, создание неологизмов), и форма стиха, часто далекая от традиционной, классической. При этом поэт не возвышает себя над толпой грешников, наоборот, без устали повторяет, что и он — один из них; и не стесняясь рассказывает о своих прегрешениях и проступках, слабостях и метаниях между высшими устремлениями души и телесными слабостями. Смятение, страх, опустошение и разочарования на жизненном пути он преодолевает искренней верой и стремлением жить за Божьими Законами. Это трудно, и не всегда получается.

Мы живем в страшное время. Мир, кажется, сошел с ума, пылая страстью к роскоши и удовлетворению самых низменных инстинктов, забыв о совести и морали, все сво-

дится только к накоплению любой ценой и возможности купить все, что ни заблагорассудится. На человека, который пробует жить иначе, смотрят как на юродивого, презируют, называют неудачником. Как устоять, где взять силы жить не по лжи, а по правде? Кто и что отрезвит, вразумит, вылечит гибнущие в грехе души?

Ответы на эти вопросы и ищет, надрывая душу, поэт Анатолий Можаровский. Ищет с неистовостью библейских пророков, как и они, всего себя отдавая служению Богу, неся в чистоте Его Слово, говоря правду, часто, горькую, неприятную, но мы должны, если хотим сохранить себя для жизни вечной, безропотно принять ее.

Михайло МАЛЮК

Країна свят...
Їх так багато!
Країна свят...
Але у ній згоріла святість,
як хата
від пустощів дитячих з сірниками.
І квилить, плаче немовля
із шерхлими вустами —
його розвеселіла мати
пішла співати, танцювати...
Свято!
Передзвін келихів.
Тости, тости, тости...
До нестями.
— Щоб ви були здорові і багаті!
— Щоб вдома і на службі
пропали негаразди!
Але пропала тільки
святість...
А горя, зойків, негараздів —
в лікарнях,
буцегарнях, в кожній хаті!
І люд солоними сльозами
заливає очі в свято
від горя і розпуки — так болить!
І плаче.
І вже не щастя просить, то — химера,
а просить святість,
щоб вернулась
на землю криву.
Та знову співи п'яні,
танці,
вино і пиво
уже вранці.

Молитви шепіт,
мов шерхіт листя,
все просить, молить
вернути святість,
забрати геть святотатартистів,
безсердечних карнавалів.

07.03.12

Отсечь прошлое.
О нем не думать.
Его не вернуть.
Оно прошло.
Идти в будущее.
Может, мне там будет тепло?
Душе, но не сердцу...
Оно уйдет по бюрократическому
реестру
под номером N
в землю сырую,
оставив на память потомкам
могилу кривую,
на ней памятник —
не всем виден —
солдат с автоматом
видавшим виды,
потертым, старым,
все тело в ранах,
уставшим взглядом
все вдаль глядит...
— Не хочу! Не надо! —
крикнет кто-то.
От страха смерти
муравьи по коже,
и волосы кремнем
вдруг станут на миг.
— Эй, ты, мальчишка,
поклонись,
не бойсь!
Я тоже боялся когда-то ямы,
сырой и страшной,
а сверху — камень.
Не бойся, мальчик!

Смотри, растут деревья — дубы,
в них — я,
потом — ты.
И так по кругу.
А в нем —
бесконечность
смертей,
рождений.
Душа есть —
вечность.

08.03.12

Страх, страх, страх...
Трах, трах, трах!!!
Страх, страх, страх...
Трах, трах, трах!!!
И моя шкура — решето
от выстрелов,
и через дырки видно
внутри все.
Страх, страх, страх!!!
Там пулеметчик сидит
и изнутри строчит.
А кто он?
Лучше к ночи и не говорить.
Трах, трах, трах...
Страх, страх, страх!!!
И шкура скоро будет — сито,
как в ней мне жить?
Открыто!
Открыто все внутри —
там бес сидит,
сидит, строчит,
и гонит, сукин сын,
мне вал —
вал страха.
Карнавал на вдох
и выдох.
Все как в последний
раз мне видно.
Но я живу так много лет...
Привык?
Да нет.
Пытаюсь
найти и сжечь
счастья своего билет...

08.03.12

Із вікна лімузину
Бога не видно.
І в палаці нема Його —
там жадоба влади,
побільше багатства.
А що по-їхньому щастя?
Прикраси
із золота, платини,
гарні одежі, автомобілі.
Та життя їхнє — свари і чвари.
Не люблять там
тих, хто працює
на них спозаранку,
горбатиться
із переляку.
Під рабство зійшли
орді чорнокрилій.
Ох ви, українці,
брати мої милі,
невже вам так любе
рабство неволі?
Дітей своїх рідних
ростили б для волі,
а ви їх у рабство
стадіонів-палаців.
Така остогіда...
Невже, світ для панства?..

10.03.12

Случайный прохожий...
И дождь нас всех мочит...
Красная фара светофора мне вдруг
подмигнула, а тормозить нет охоты...
Перепутав педали —
газ, тормоз —
я двинул вперед.
И кровь по машине
от тела, что пало
мешком на асфальт —
кого-то не стало.
Я аж застонал,
улетая дальше, все дальше.
Подружка смеялась...
— Ох ты, моя зайка!
И кокс в две дорожки
на книжке сыпнул я,
всосали с подружкой.
— Второй раз
будь умным,
и бей под углом,
чтоб бампер был целый,
а не капотом, стеклом.
Я дальше катил
свой лимузин
под пятьсот где-то сил,
и снова всадил
бампер девчонке
меж талией тонкой,
не слыша ни хруста костей,
ни шмяканья тела
на мокром асфальте.
Второй раз за вечер,
как под фару зайцев,
случайных прохожих
мы ловим.

Нам — по забаве,
ментам — для работы.
Папочке с мамочкой —
сильный сыночек.
Подружка калачиком
спит на диване —
шикарное тело!
У меня всего много,
но мне всего мало...

14.03.12

Прекрасная женщина
из мечты той несбывшейся
зеленою порослью
травы появившейся
под солнцем весенним
ростками несеянными
вдоль дороги,
что медленно повела меня вдаль...
Прекрасная женщина
из мечты той несбывшейся
улетевшими мыслями
с ветерком расставания
и глазами травы
мне тебя не хватающей...
Снова радость весны,
с грустью проседи времени,
что несет нас куда-то
от дней тех, что утеряны.
Все казалось — игра,
заигравшихся радостью.
Я ушел от тебя,
ты исчезла...
Не навсегда.
Вечная любовь моя,
знаю, где-то ждешь меня...

17.03.12

Белым вихрем снег —
крылья белые,
и смех,
твой, Мария.
Я грущу,
пролетая здесь в снегу,
жадным слухом
я ловлю
все, что говоришь ты дню.
Белым вихрем снег —
крылья белые...
И нет меня
с тобою на земле.
Праздник света
для души сегодня мне.
Я летаю, вижу вновь тебя!
Как люблю я всех!
Но ты — одна.
Белым вихрем снег —
крылья белые,
и смех
мой, что ты не слышишь
слухом, —
музыка любви —
ты духом ощущаешь
ту стену
за которою стоишь
но не в плену,
а радостно-свободной
и прикрытой мной.
Мои молитвы к Богу
только за любовь.
Глаза к небу
поднимаешь ты,
белый снег ложится
на ресницы.

Светлый взгляд...
Я лечу меж снегом,
не таясь.
Я лечу, Мария,
здесь не первый раз...

17.03.12

В ночь полнолуния
ко мне придешь
с лицом и так красивым,
но украшенным еще
и ручейками слез
из глаз стального цвета.
Свет луны,
по коже матовой.
Мне слезы дороги...
Но не любил тебя —
я лишь шутил, —
но ты пришла,
одна,
такая близкая,
одна...
От одиночества — тоска!
Ее давно уж знаю я.
Ты мне близка.
Твоя душа
давно страдает у окна...
Но нет его,
окна придуманного мною...
Кто услышит мысли?
Только Бог.
О столько судеб
одиноких!
Вот и Луна — одна.
И я — один,
один всегда
среди людей,
среди любви...
Одна ты — навсегда.
Такая всех судьба.
Так создал Бог сердца.

Его частичка — мы,
а та любовь-судьба,
лишь страсти миг,
которая ушла.
В окне такая частая тоска,
и нет его,
и ты пришла...
Два ручейка —
слеза, слеза...
Прости, любовь, меня.

28.03.12

День вновь прохладный...
За мартом закроет
он дверь днями такими —
три их, четыре?
Поверь солнцу, что светит
с обеда по улицам
мокрым от талого снега.
Март.
Первые крокусы.
Листья сирени
взрывают почки.
Первые слабозеленые
ростки из земли —
снег замедляет
их сутки.
А мы шли
с цветами к принцессе
славить день,
что привел
в жизнь на земле
Марию —
Ангела день твой сегодня.
И стойко храмы
с крестами под ветром,
со славой
Богу, святым.
Марию мы славим,
тебя с днем рожденья
вновь поздравляем.
Красивый ребенок —
от Бога наследник
нашей фамилии.

В день, где метели еще не устали,
и не уходят,
март закрывается
твоим днем рождения
и Воскресением.

28.03.12

Мы все рахитичны,
и все мы калеки.
За нами плачет ад —
мы крестимся хвостами
и пятимся назад
от пламени, что налысо
бреет нам тела,
от пламени той силы
уж треснула земля
и пламя бьет
фонтаном жара вверх,
земля тут побелела,
как будто выпал снег.
Нет, это не вулкан,
нет, это не Везувий, —
ад тянет руки к нам,
а мы все пофигуем,
и будем жить как жить...
Хотелось всем в катушку,
где полный газ,
а нефть,
то наши души,
что заживо горят,
кормя моторы силой,
и сила та всё вспять,
вперед она строптива.
Вперед ей не пройти, —
там небо, ангел, крылья,
там нам когда-то жить,
но ад нам ближе вышел.
На примитиве день,
на примитиве год:
там свадьба, дом и карусели,
там выборы людей,
что как борзые в деле.

Менеджер — боец в поруке,
что круговой стеной,
а мы всё прячем руки.
Терпение?!

Да нет!
Лохизм и хомутило,
что упрощают жизнь,
а мы в ней сатанеем
и только просим пить.

08.04.12

Мне утром была Помпея,
но Бог продлил мне жизнь.
Ничего для меня не жалея
Он дал еще один миг.
И трачу его я жестоко
на вольности мысли в бреду —
как неводом волокут
они вспухшие,
отупевшие в полдень
мозги.
Он внешне такой, как страна,
открылся солнцем в рассвет,
и корчит рожи упрямо —
человек он,
а может, и нет.
Лодку всем миром строили,
к любимым хотели поплыть,
а вышел — дебаркадер.
На море
памятником жлобству
теперь стоит.
Колоны из мрамора,
белого,
такие же, но в цвете, полы.
Лодка к любимым
отплыть не успела,
у берега пристанью вверх торчит.
Люстры, ковры и роскошь —
миллионы ушли, как в кишку,
жадного,
пальцы веером,
а сам стоит на смрадном ветру,
где запахи свалки и гнета,
отходов людских молва...

И все это, в глаз или бровь,
“пилота”,
которого даже любовь не взяла.
— Не может любить! —
приговор.
Мысли мои неводом
мозг уставший
все волокут,
а руки немощные
тянутся к небу —
здесь уже не продохнуть.

09.04.12

Білі журавлі
на крила лягли.
В золотім вогні
сонячний потік —
променевий блиск
радості доріг.
А у небі блиск
журавлиних крил,
в сонячній росі
я тебе любив...
Цей гортанний звук,
де слова лиш сміх —
радість для обох —
нас і журавлів.
І палає літо,
сонцем обігріте,
і летять, летять
хмари від землі —
тінь незгаслих днів
все в моїй душі.
Журавлі пливуть...
І любов твоя,
мов квіти у лугах,
завжди на моїх вустах.

08.04.12

Сталина лик
на тетрадах школьных.
Гения рык
под забором кремлевским,
муром кирпичным,
стеною-гробом —
кладбище бывших
убийц народных.
Восторг сегодня
у невидавших лагеря —
а вы в “Кресты”,
на экскурсию платную,
на месяц, другой,
в камеру к смертникам,
за парашей следить
и своей головешкой.
Ум без ума,
и горе от одного —
Родина гениев!
Их много,
и город мог быть
если б их поселить.
Но не греет сердце
неумное
Есенин и Пушкин.
А хочется думать
о Государстве
великом и важном,
Родина, видишь,
стала бишь важной,
важнее любви к человеку
и Богу.
Родина, Сталин,
убийства народов.

Тетрадки для деток
в поисках чего-то,
а смысл? Что в этом?
Кремлевские обормоты...
Тетрадка и Сталин.
Усы дорисуйте
детишки в школе,
тараканью шкурку
вместо френча намойте,
а звезды сотрите
слюною и пальчиком.
Вы не вредите
этой тетрадке,
вы просто умнее тех,
за забором,
кремлевских зэка,
от слабоумия
ищущих на свою задницу горе.

08.04.12

Сивим туманом
пізньої осені
туга моя
на трави нескошені.
Дні скоротилися,
мороком сірим,
сонце закрили.
Хмари не білі.
Тугу мою
по землі першим снігом
вітер несе
туди, де калина...
Туга моя —
сік ягід червоних.
Мов птаха
лягла на крило
перед дзвоном
із церкви холодним
ударом ледь чутним
туга моя
за мамою.
Цей дзвін мені
все далі і далі...
Калиною стиглою
я сльози змиваю,
а сніг все летить
самотніми птахами,
і калина мовчить
оксамитом на холоді.
Я б тугу сховав би
у серці назавжди,
я мчав би й летів
по травах нескошених,
коли б хто повернув мені
юність і маму!

Замість квітів —
калина великими гронами
на могилу лягає
мамі для спомину
від сина, що тугою
назавжди відзначений,
як тая калина,
що снігом освячена!

11.04.12

Горобина лист свій скинула,
як плаття дівчина,
і з сорому почервоніла вся
від ягід, що закрили
крила гілок.
На ній пташина
родина сіла обідать.
Може, з ними
чиясь душа
злетіла з неба?
Може, так колись і я
щасливий повернусь
на землю,
до горобини —
то любов моя
назавжди,
все життя —
зігрію серце
між гілок твоїх
на гронах
ягід
червоних,
як моя кров.
Колись десь тут був мій дім.
Тепер із неба птахом
сірим я злетів,
і сів, вдивляючись далеко,
туди, в весну,
там — луг, лелеки,
море квітів, літо
і ріка —
вода розмила береги,
мов та любов моя із неба...

В моїх очах — весна, лелека,
і горобина — кров червона...
Душа не в спокої.
О, Боже!

11.04.12

Мати сина
жде, чекає,
за ворота виглядає,
а там вітер
листям грає
жовтим, що летить
листами,
яких роками
все чекає мама.
Змолоду залишив дім,
поїхав щастя відшукати
син,
один.
І мама назавжди сама.
Зчорнілі очі
пам'ятають ніч коротку:
все ходила по кімнаті —
син — це щастя! —
по волоссю білім-білім
бігла
мамина рука...
Дрібні сльози...
Листоноша знову
мовчки пробігає...
На траві холодній
перший іній —
подих осені...
Серце так щемить від горя.
Син поїхав...
Стільки літ сплигло!
А вдома три листи
цілує мати.
Їй доля — все життя
чекати.

А вітер листям грає
жовтим по дорозі.
Осінь пливе туманом.
Морози перші
на трави впали
сріблом болю.
Три листи цілує мати,
плаче.
Вітер несе їй листя-щастя.

11.04.12

Щоб зберегти “грязнючий”
бізнес свій,
Петро пішов служити
до катів,
хотів чи не хотів.
Та сам хотів!
Влада для них — гроші,
офшори, ласі шматки
бюджету, кошти, кошти.
Петро хотів служити
всім,
а в міністерстві економіки
то й поготів!
Від нього толку,
як з туалету для мерців
в сузір’ї пацюків.
Але там штати, штати, штати.
Але не ті, що козирняті,
що Америка,
та ні!
Штати — то свої куми,
кумчихи, їхні діти,
щоб в міністерстві
економіки сидіти
на зарплатні службовців-держ.
Міністерство їхнє.
От і придумали
соціальні безкоштовні туалети
поставити на площах міст великих —
унітази висотою вісім,
діаметром десять,
а мо’ і двадцять метрів.
Геніально!
Все відкрито — можна
все зазнімкувать й народу показать:
залізла дівка по драбині,
сіла скраю — і все видно.

Народу
зібралось як колись на мітинг
за свободу,
і всі туди очиська, телефони.
Назавтра журналісти в шоу
все зробили:
зібрали міністрів всіх економік,
міністра агросфери, міністра штор-порт'єрів,
не забули й соціального міністра,
і терли все про унітази,
мов треба шторки там поставить,
мов треба те і це...
— А как сидіти на “кольце”? —
спитав із териконів Чмойко,-
“Кольцо” дванадцять метрів,
дупі больно...
Але ніхто і не згадав
старих і німецьких пенсіонерів —
як лізти їм на унітаз?
Скінчилось шоу —
всі щасливі.
Крім комуністів:
їх не запросили
ні на шоу,
ні там, на унітазах —
вони завжди обійдені
при цих капіталістичних владах.
А що народ?
Народ все чистить вуха...
І в економіці суцільна
нібито розруха,
але росте ВП-ВВ,
росте податок
і чиновників “леве”.

12.04.12

Я не хочу, чтобы мне сегодня
пели “многая лета”.
Я не хочу, чтобы мной
умилялась проститутка-газета.
До тех пор не хочу,
пока будут в ходу
больницы-клозеты,
где лишь пишут пол, возраст,
и за это еще взимаются деньги;
аптеки, где бизнес жесткий,
жестокий:
цена на лекарства, как
на золотые заколки,
и если так дальше идти
то скоро в аптеках
поставят еще крематорий —
зашел, выпил пилюлю,
в кабинку залез
и нет больше болезнюшки-горя.
Потом еще пепел твой
продадут садоводам —
натуральный продукт
удобрений, сравнимый
с навозом.
Я много чего не хочу,
и за многое стыдно,
хоть я не безвольный,
но змей спрутиновый
так всех затянул и спрессовал на быдло
под звуки музыки
о пришедшей свободе.
Но время все жестче
и крепче в жутняках —
их как грибов ядовитых
летом в сосновых борах
при дождливой погоде.

Стало традицией: на Рождество
и на Пасху
за час до Вечерней
включить автоматку “волыну”
и пуль под пятнадцать
всадить в бизнесмена.
Стало традицией,
жертвой богу, что имя ему рейтинг,
консалтинг, маркетинг —
имен ему на страницу, другую:
жертва — традиция в
ночь, где поют “аллилуйя”...
А что прокуроры, менты
да ведомые?
А ничего!
Кто их бог?
Да все те же проклятые
деньги сподобили...

18.04.12

Мне Бог подарил такие цветы!

Маша?

Да это же ты!

Под солнцем весны —

бутоны и лепестки,

над ними — пчелы, шмели.

Помнишь же ты

нектар и запах пыльцы?

Маша в любви

небес,

и Отец

жизнь подарил ей

для радости близких.

Цель непростая

твоя на Земле:

дни прожигать в вертсуете,

не будешь сама —

ты знаешь душой,

что за путь и куда,

удержись за Христа!

Не твое — пустота.

Мир — для любви и труда.

Маша моя!

Загорелась звезда,

но свет ее сохранить

задача твоя.

Мне Бог дал такие цветы...

20.04.12

Судьба поперек дороги,
как машина без колес,
под мои ноги —
ржавый ком железных
кос,
камни между ними.
Бухнул
я ногою ее в бок.
Некрасиво?
Но по-другому бы не смог.
А себе — лишь боль в ноге,
кровь от раны:
по косе ступня прошла,
ржавой, гнутой.
Жутко как
увидеть это
и пройти, не обойдя,
ведь не пустит дальше
света
ржавая железная скирда.
Все в ней собрано,
кусками,
все для пыток,
для тоски
и лежит перед ногами —
мне здесь жить и не уйти.
Сзади крики остолопов:
из охранки прокурор,
что-то вякает в потемках —
я не Юлька, но готов.
Прокурор не сам.
Бойтся.
С ним — компашка бандюков:
лысых, стриженных,
в манжетах
по “заточке” у “быков”.

Вот судьба, родня родная,
Родина — дома в кровях,
стонут люди под забором,
связанные и в цепях.
Нам железа не хватало
стройки века поднимать,
а тут рыжий в полнахала
навалил, твою ведь мать!
Железяк — на всех вагоны,
каждому — судьба и стоны,
это — музыка под жизнь.
Нам бы топоры —
и дзысь! —
того кто сзади в банде,
но повязана рука
каждого, кто атаманит
с теми, у которых вид “быка”.
Королева под присмотром
строгим —
сейфом и софой.
Но я к ней взберусь
на горку,
и послужит мне горой.
Помним, знаем, рвем
и мечем
пред железом-чурбаном.
Дури столько!
Не заметить лишь
и можно
в пьяни фонарем.

20.04.12

Мои стихи взорвут весь мир.
Мои стихи — это война,
не ради денег, нефти, крови,
не ради девок и вина.
Моя война — на очищение
лика мира и страны,
для смывания по нервам
шелупони и шпаны,
что по лестницам, в натуре,
кинув населению с колес
“колесо” на зуб
задурнить
и кляп программы в каждый рот.
Население присевши,
оболванившись в куски.
Моя война — и ваши нервы,
пацаны и мужики, —
всех взорву я духом мощи
воинском своим копьем,
нанижу вашу коросту
в виде флагов и рогов!
Мне очистить мир
под силу:
я пишу — в руках огонь.
Бог мой
видит, слышит —
Он всегда теперь со мной.
Я сгорю в огне не в дым,
я оставляю слово
жажды
всем, кто ищет себе правду,
путь, чтоб стать живым.

И сын мой — в помощь,
на замену,
на войну
по очищению.
С озареньем
мой огонь для вас
с похмельем.

20.04.12

Ми злякались.
Ми вже звикли...
А десь світом горе тихо, тихо
полохне тротилом дзвінко.
Поліцейські кілометри
ноги труть свої хуленько,
шкутильгаючи в кінці,
й знов злочинця не знайти.
То хімічна бліц-атака
терориста
з вибухівкою на тілі
на концерті у неділю.
З ним ще сто мерців
у трунах,
газ приспав там всіх
огульно:
погуляли, відпочили,
шоу скінчили в могилі
і артисти, і хто в ложах.
Тихо лихо світом бродить,
з бородою, чи в пенсне,
в мантиї судді чи в іншій чині.
Горе світом...
Ми вже звикли:
труни, трупи,
мотоцикли, що летять
мов реактивні літаки,
і вбивають дітлахів.
Йде якась війна
кумедна.
Мчить машина,
документи —
все в законі.
За кермом чиясь
держморда.
Бах!

І пішохід у морзі.
Телевізор покричить,
помахують міліцейські
генерали-ротозейці.
— Що ви? Як ви так могли?
І спустили все з води
булькою, що милом
змилась,
луснула чи полетіла...
Горе світом, тихо, тихо.
То “совбез” котрийсь за розум вийшлий,
“уходжикал” план безпеки
для царя чи мо’ й коханки —
і пішли в дорогу танки:
— Бах, бах, гух!
Кров, кров! То там то тут...
А котрийсь совбез вже в іншій краї
строчить плани на папері:
треба нафта чи галери, нові пейси
для обраних
бевзів.
І злітають знов ракети
по старих як світ світах —
горе тут і лихо там...

02.04.12

Мой путь предначертан,
дорога известна,
но мысли несутся,
и им часто тесно.
Уводят они от этой дороги
куда-то в кусты,
где женщины, вопли
от счастья гулянья,
где деньги — реками,
и можно их тратить
на новое счастье
любви к той одной,
что снова в сто сотый
раз я нашел,
где чувства взрывают
сердце и мозг мой.
Она загорает на море и суше,
а я созерцаю
линии тела...
Какой я везучий!
Стан в шелковой коже
и шерсть, что еще не надоела.
В море огня любви
я сгораю,
и путь из страстей
опять уводит все дальше
от той, что начертана
в жизни дорога.
Я не вернусь пока.
Нет во мне Бога.
Но утром прекрасным
любовь вдруг остыла,
все надоело,
и что-то застыло за грудью
моей
и боли по телу.

Бог вновь пришел,
и я, стесняясь,
молитву шепчу,
прошу и стенаю:
— Боже, прости! Больше не буду.
Я вновь догоняю
потерянный час
на жизни дороге.
Бегу и сейчас.
Не жалко и ног,
хоть и сбитые в кровь —
мозоли, преграды...
А мысли мои вновь разбухают
и рисуют мне образ
настоящей, искомой
все годы
любви с новой отрадой...

20.05.12

Чуть-чуть рая
на грешной земле,
и я отдыхаю, отдавшись траве
в пропасти мая
цветущих садов,
когда все забываешь
и на грех лишь готов.
А голова моя кружится,
как планета по орбите,
и не остановить желаний
жить среди весны.
Цветов охапки для любимой
под звездным небом
не сотворимым мной,
а я в траве, отдавшись
маю,
всю жизнь свою
терзаюсь, маюсь.
И, вдруг, весна
застывших радостей
надолго
взрывает пламень.
Заколдован, видно, я
любовью к жизни,
и творя невесть что
снова уплываю,
как птица мая
оживаю.
И мне так мало лет
сегодня,
ну, может, десять,
а на вечер-то поболее
под звездным небом
на раздолье
природы цвета, света, ласк
и неземных твоих
красивых глаз.

Я уплываю, чтоб
вернуться
в зиму остывших чувств
и вострепнуться.
Сон это был
или любовь?
Среди весны и лета
гретым,
огромным солнцем
по планете,
отдавшись травам в
сказке рая,
душевных чувств волнам,
и, не умирая,
дождаться б снова
всем весны...

20.05.12

Покірно голову
схиливши вранці
під сонцем золотим
світанку
гріхами знову
я зламаний додолу.
А очі смуток
видають як долю.
Неправедник в росі
купає босі ноги.
Сльоза
збігає рідко
по щоці —
щось все не так
в моїм затравленім
житті:
радість і смуток
змішались
в струмок,
і серед чагарів
він пробива собі дорогу.
Йому б тепла, любові
хоч би трохи,
але летить і плине
більше смуток
до згорблених плечей —
безсоння тих ночей і болю
муки.
Рідкі мої розкаяння
і сльози...
Летить, летить той шлях
кудись далеко,
потрощене в гріхах
моє життя, як пекло,
що я собі знайшов,
згубивши час.

Дорога радості і смутку...

Жах...

Але по ній,

холодній, в піднебесся

прорвусь я все-таки

як той мій

друг, великий птах,

один в зимі та холоді...

20.05.12

Деревья вдоль реки рядами.
От зноя лета
прячемся под ними сами —
они зовут к себе.
И островки травы зеленой,
полянами, на берегу
мы сделали себе
любимым домом.
Запах воды, как с моря —
йод —
выносит ветер.
Шуршащий лист
играет в солнечных лучах
оркестром,
и я схожу с ума
в тебе теряясь.
Нашел, как счастье,
здесь свою любовь,
и, знаешь, что в пытку
превратились ожидания
тех свиданий,
когда мы здесь одни
на всю реку
и, сливаясь
в поцелуях ласк безбрежных,
я медленно схожу с ума.
Ты веришь?
И шепот губ твоих
я слышу с шумом ветра,
который унося слова
ответа,
оставил лишь тебя мне
ненадолго.
Я так люблю!

И здесь в траве, на воле,
мне так остаться,
не уйти с тобою
березой с дубом над водою.
Любимая, я что-то говорю
горя в тебе.
Под нами лишь постель —
трава в огне.

20.06.12

Светает.
Света лучи
и в них
вся ты Светлана:
сквозь ночь
звездою-солнцем
в день
лучами на лучах —
и тень ушедшей
вниз луны.
Светлана — свет
из глубины мечты.
— Смотри, сгоришь! —
я говорю себе.
А голос внутренний
все шепчет мне:
— Постой, постой.
Она не та, что все,
она твоя
в светании зари
в начале дня.
Затем, решишь ты сам,
ты воин, не проситель дам,
властитель дум своих,
и выйдешь ей навстречу
сам.

26.05.12

Похмелье после дня Победы

На брата брат...
И автомат горячий был
у брата в руках,
сливая пули просто так...
И порох пах,
и пламя в глаз,
а брат то падал, то вставал
в крови и грязи,
и стрелял без остановки
в брата.
Шквал огня. И трескотня
в наушниках от рации.
Война!
На брата брат...
И автомат устал.
Охрипший,
черный от огня комбат
кричал и требовал меня,
чтоб я достал
еще огня.
И батарея, не смолкая,
все лила, лила, лила...
Снаряды падали,
взмывая вверх землей.
Поля не паханы.
И бой, и бой...
На брата брат.
Орет комбат:
— Твою ведь мать!
Мне умирать!
Комбат опять
придет что б встать,
и воевать, и воевать.

И снова крик:
— Убит комбат!
На брата брат.
За деньги, власть,
чтоб олигархи, страсть их мать,
поднялись на войне.
О, блядь!
Российский мат...
На крови выпитой с солдат
новой стеной восстала власть:
и в крови флаг,
и деньги в крови
кидает Президенту банкомат.

10.05.12

Нет!
Не просыпаться вам в империи
под названием
Объединенная Европа!
А просыпаться вам
в новой империи
под названием кратким,
но понятным — АЗИОПА.
И будут лететь, господа,
ваши самолеты
в дали заснеженные,
где мороз и синеют щеки —
под Магадан,
на Колыму родную,
воспетую шансоном не впустую,
и будет там охрана конвоира,
и будет лай собак,
и будет врач,
(не тот что в Харькове у Юли),
а палач — пропишет
кнут вместо пилюли.
И будет зарево
восхода и заката,
и будет снег на голову и маты,
а ночью будут сниться дамы,
что вам давали все,
что может дать
любовь под фонограммы —
фанеру вместо чувств
пластиковых девок ваших
что содержанки, давно
не женщины, лишь страсти.
А те, что не держали
скипетр власти,

кто банков не имел
и замков, но тихую сапою
“в хате скраю”,
те тоже попадут в раздачу,
но может быть, Сибири, БАМу.
За дух поникший
и бесчувствие страданьям,
за подданство неправде, злу,
стяжаньям,
за все ответят
сапогу с Кремля —
и здесь, и там, где вишни не цветут
и круглый год пурга...
Ответят все царю,
диктатору и властелину,
ответят за к Богу нелюбовь,
которая трансформировалась
в дикость жизни.

12.05.12

Мне не обнять и не объять
огромное пространство,
всего того, что в жизни было.
Грешным ветром мыслей
памяти приносится
опять любовь, что как застыла.
И ветер этот веет
то тихим шорохом,
а то вдруг бурей зверя.
И вздрагиваю я,
что остается память,
а, может, в этом счастье,
что прошедшее, как снег, не тает?
Любовь кружилась цветом мая,
лепестки летели,
падали и покрывали
голову и плечи любимой,
а звезды в теплый вечер
навсегда остались в мире.
Проходят через холод,
безразличие движений,
когда глаза все время
смотрят в землю,
а память все минуты и секунды держит —
огромное пространство,
где любовь как прежде.
И согревая сердце,
часто рванное жестоко,
мне не обнять и не объять
такое море счастья,
но я все помню, помню...

14.05.12

А в серці осінь —
із тих колись щасливих днів.
А в серці осінь —
можливо, так я сам хотів.
І плине річка
кудись далеко-ген,
а там моя Марічка
зі снів моїх ночей.
Плине річка журбою,
як осінній дощ...
А нині травень,
та мене в нім нема,
і тільки пам'ять
веде туди, де солов'ї
та спів дівочий,
а по землі
зелений килим
весь в квітах слів
моїх признань.
Я так хотів
злюбити все,
що дав нам Бог,
та час нестерпний
сплітав зелений мох
осінніх днів...
І в полум'яних очах — вино —
солодке з терпким,
це й є любов.
Весною й літом осінній плин
дощу з туманом,
і я один...
Я та тополя
серед лугів,
опало листя —
хтось так хотів.

Холодний вітер
тополю гне,
до лугу низом
туман пливе.
А в серці осінь,
серед весни,
тепла так мало...
Життя летить.

20.05.12

Че Гевара!
Як тебе сьогодні нам не вистачає!
Че Гевара!
Тебе завжди тут було мало.
Поодинокі буйні,
(як говорив наш друг
Висоцький Вова),
поодинокі між кілками
дикобразів,
що вважають всі себе на волі,
із жирною душею буржуа —
тхне від них болотяна вода.
Че Гевара!
Нема тут чистоти рядів,
а може знову
нам товариш Сталін
під п'ятою
вишикує всіх —
підряд і в ряд — за головою.
Че Гевара!
Мені тебе сьогодні не вистачає!
Багато тих,
що так кричать про все на світі,
але буйних —
один чи два, —
їх підміняють пройдисвіти.

23.05.12

Чистота пространства
городов и весей...
Майским утром, по весне,
под солнцем
вместо травы зеленой —
плесень.
Пеньки с пеньками,
ряды с рядами,
партий храмы
в борьбе за нами,
но не для нас.
Вот это класс!
Ты встань, не спи, электорат,
все не для масс,
а все — за нас!
Предвыборы
и про запас.
Дурак ты, чунь,
а, может, валенок,
но фиг один —
все про запас.
Утратил нюх народ,
бывший главный класс,
один по ветру держит нос
класс, что сегодня главный,
сбитый битами
и револьвером в бок —
класс правителей.
Народ,
а ты так не смог!
Разочарования твои —
то слабость духа,
разочарования твои —
детям не май,
а в будущем непруха.

Стадами скотными
идет упавший, павший
и поломанный на части
класс,
и нет оружия в руках —
не воин класс.
Раком в огороде по полгода
за овощами, хлебом —
им бы лишь припас
на прозапас,
и сидеть по хатам,
чавкая припас.
Так жизнь пройдет.
А мог бы быть
ты главный класс!

23.05.12

Революция!
Цепи революций!
Духом встали люди —
и падают стенами
зарвавшиеся паскуды.
Режимы сгнили,
и люди вышли
менять пропавших,
спасать их души
от удуший,
что ждут их всех.
В Лондоне квартиры —
папы накупили,
в Париже виллы —
папы накупили,
в Швейцарии —
счета по банкам —
страна, где кровь
и души умерших спозаранку,
дети без лекарств,
школы без учебы,
мрущие безвременно народы...
Красные флаги
на Биг Бене,
красные флаги
на римском Колизее,
красные флаги
на Швейцарских банках —
революции цепи
с утра, спозаранку.

23.05.12

Де ти бачив народ,
який справляє нужду
сусіду в город?
Де ти бачив народ,
де така любов і схильність
до підлот?
Я не бачив, а побачив,
то злякався,
засобачив,
як та тічка по селі
у пільмі нічній.
Греблі мої руки-лапи
землю до крові,
аби розділити добрих і злих.
Україно! Україно!
Вітер гнав посід від жнив,
віялки зерно
одділяли від полови,
а я голову нагрів
сонцем днів
та не згорів —
мене покинули на муки,
сердечні скорботи.
Люди!
Церкви є для вас багаті,
більшість їх розбудувала нечисть
з влади,
поназивали їх своїми іменами,
пам'ятаючи про тих святих,
яких молили мами.
Люди!
Церкви...

Там чекає Він Один,
всім світом знаний.
Але як змінитись нам,
щоб йти до Нього,
таким недобрим та поганим.

23.05.12

Что можно кому-то —
никак нельзя мне.
Шлюха грудастая
да разбитная в постели —
им, но не мне.
Подлости разные,
преступленье законов —
нет! Нельзя!
Сразу профкомы, менты
и домкомы.
Пьяное ухарство,
а с ним и гордыня —
нет!
Не получится.
Сразу болезнь
и тетка-ментыня.
Ненависть к ближнему,
но злomu и вредному —
нет!
Не получится.
Мне же и врежут,
причем, по темени.
Что же за рамки такие
по долюшке?
Почему мне нельзя
покуражиться вволюшку?
И тишина от небес,
тишиною,
только ветер несет
мои мысли волною:
много нельзя
и можно так мало...
Я понимаю: такая стезя,
Он мне ее поставил.

23.05.12

Тот берег далекий во снах...
Из березы дом белый,
и листья к земле на полях.
Трава яркой зелени.
Голова твоя белая
с длинной косою.
Песни лучистые по реке
над синей водою.
Русская Русь глубин
под Владимиром,
церкви в крестах золотых
и тропиночка,
ею ты ходишь
в воскресные дни.
Русская, русская слышишь
усни,
в сон мой войди
в платице розовом
из той мечты,
что и сны мои долгие.
Годы отправлены
вдаль по реке,
неба пылающий свет
по земле.
Русская, русская
с цветами-ромашками
белыми с розовым
мне близка по-домашнему.
Дом из березы,
река с дальним берегом...
Сны снятся
цветом белым и розовым.
Мечта моя —
русская девушка.

23.05.12

Война.

Соляры гарь от танков и машин.

Плывущий едкий дым.

И грохот взрывов,

радость прорывов.

Война.

Фашизм взорвал страну внутри —
свои против своих.

И дым, и дым

в мозгах шпаны,

что взяла власть

и до войны дошла.

Горят дворцы,

и взрывы, взрывы.

Потоков крови хватит,

чтоб не забыли

тех героев,

кто первым вышел

и достал лишь флаг,

в ответ — патроны,

треск автоматов из спецназа —

свои своих стреляют

без задних мыслей и напряга.

Но грянул день,

когда восстали все,

кто страх отдал чертям назад,

и танки взяли в свои руки

и боезапас.

Свои своих.

Фашизм.

А двадцать первый век

становится двадцатым.

И снова слышу взрыв.

28.05.12

Незаметно быстро
мы подходим к краю,
здесь все мы,
каждый в час свой умираем.
Что ждет нас
за невидимой в безмолвии чертой?
Палящий зной?
Вечный покой?
Не заглянуть туда никак,
и только сны
приносят иногда
какие-то обрывки фраз, видений
от тех, ушедших,
близких, дальних.
Мнений
по народам много,
но нам дано одно
от слога слова —
вера!
И нам по ней черта
уже не кажется,
как край конца.
По ней, по вере, —
бесконечная дорога,
и часто даже греет сердце то,
что ждет нас
за земным порогом.

04.06.12

Им нужно,
чтобы было все свое —
самолеты, вертолеты,
машины, виллы,
охотничьи угодья,
пасеки, конюшни
и пруды,
и рабы, рабы, рабы
безмолвные...
Труды, труды, труды
для собирания богатства,
эх, жлобы!
Писатели, поэты до балды —
им не нужны
их память и труды.
Книги просто не нужны.
И, вдруг, внезапно,
стали им свои нужны,
и пишут, пишут
под их фамилии рабы
труды об изменении страны.
Руина осталась позади,
теперь вперед идти.
Рабы, рабы, рабы
безмолвные...
Рабовладельцы — обычные жлобы.

04.06.12

Белый пух —
тополей слезы.
В начале лета —
частые дожди и грозы.
Утром снова —
яркие лучи от солнца.
И плывут в ветрах,
потерявши страх,
белые пушинки,
и не просто так —
вестники тепла и лета.
А вчера
я не верил,
а весна ушла
от меня назад,
пропустить вперед
лето на лучах
солнца в облаках.
И летит, летит,
потерявший страх,
тополиный пух,
как и много лет назад.

04.07.12

Несчастливые люди больницы-страны!
Ощущенье такое, что украли штаны
и идешь ты по улице
с такими, как сам,
от стыда спотыкаешься,
ведь закрылись глаза.
В одной руке — облако,
в другой — воздушный, блин, змей.
И чем дальше, тем больше
таких же людей,
и срам все видней.
Играют оркестры
каких-то психов с шизой.
Музыканты в манжетах
держат бутерброды с икрой,
дергая лицами,
раздувают музон,
от которого хочется
секса с ними —
облом...
Народ-то голющий,
все без штанов,
стесняются, прячутся,
чем бы прикрыть?
Но в толпе
вдруг появляются, как всегда,
смельчаки —
кто-то вдруг обнимается,
целуясь взасос.
Тут штыки милицейские,
газ, дубинки и шмон.
А мы дальше стесняемся,
сгорая стыдом,
как же так получается,
что вся жизнь на полом?

Мне мозги ошалевшие
говорят:
— Ты не бойсь!
Я в руках с облаком
и воздушным змеем
на веревке в ментов
без штанов,
а за мной потихоньку
вырывая из толпы
без стыда
гнать тех, что без совести.
Сотворили дурку
Родину-мать.
Музыканты от страха
перестали играть.

05.06.12

Чем дальше в жизни лес,
тем меньше огнедров,
а больше идиотов
без мозгов.
Здесь они беснуются
и выдают себя нам за пророков,
и принимаем мы,
хоть верится с трудом,
видать, привычка каторги
выдается с седлом.
Серое вещество
по земле колошматится,
то мозги наши хреновы
снова видишь в беде.
Сами сдались хозяину,
что б на зоне — прикольно! —
легче стало жить всем.
Мозги взамен стойла —
не боись!
Это тоже ведь жизнь...

05.06.12

Чому стоять в храмі
ті, що з хвостами?
Невже стали Бога боятись?
Та не так Бога,
як за своє багатство.
Бога не зріють,
не чують, не знають.
Бог їм далеко десь за туманом
зірок незчислених,
а тут, на землі,
стоять їхні заводи, банки,
палаці та пароплави,
тому їм так страшно
втратити вкрадене,
прибране силою та брехунадою.
Душа їх в багатство те
заживо вклепана
та віддана молі й іржі.
Їм те багатство
дорожче за все,
тому ідуть в храми
молитись за це.

05.06.12

Уже не вийде на дорогу,
уже його нема,
і хата пуста стала знову
іще одна.
Село вмирає.
Люд відходить,
туди, лиш в сторону одну,
де вороття нема додому,
де сум сумує.
Я мовчу...
Посеред вулиці пустої
лиш листя шурхіт ясенів,
та крики птаха...
Солома почорніла в полі
іще з зими...
І ходять дітки ще до школи —
чотири-шість,
а де і два...
І голова схилилась долі,
і мами теж давно нема...
і думки тяжкі серед волі:
а чи є ще я...

14.06.12

Безмежна радість літа,
босоногі діти
по гарячому піску,
до річки,
що впливає вранці
з-під туману,
і мами просять всіх
не запливати далеко —
там русалки
заведуть кудись на крутоверті,
втікти від них
буде нелегко.
А верби тягнуться гіллям у воду,
на них катаються досхочу,
а потім зриваються у глибінь.
Туман розвіявся.
І млин стоїть,
як і стояв колись,
і тато там сьогодні
змеле хліб,
а мама запече в печі
духмяні чорні буханці.
Пливе за літом час, спливає...
Моє дитинство в мені горить.

22.06.12

К тебе я ехал этим летом
и знал, и верил, что здесь
я встречу свою любовь
среди бушующих соцветий.
А река уносит воды вдаль,
ускоряя облаков движенье,
унося печаль мою, твою
за эти годы ее собралось
так немало.
Но я люблю и все сначала —
под солнцем лета
тебя встречаю,
как в первый раз.
В воде реки горят глаза
и я касаюсь здесь тебя.
Все в первый раз.
А цветы заливают пространство
любви,
а цветы наши первые
вместе росли.
Щеки твои горят
от любви,
первых ласк моих.
Неземных
чувств любви окрыляющих
дни все твои и мои.
А лето жаром пылает с неба,
мы позабыли,
что когда-то дождь и наледь
может пройти, стереть
пространство, где любовь
и цветы.
Нам бы это время-место
облаками облететь.

22.06.12

Ой далеко в небі,
в сірій пустелі —
води без греблі.
В надвечір'ї мокрі верби,
і летять птахи у небі.
Білі птахи...
Дощ на крила...
І ти летіла там колись
душа моя
під дощем,
де сіра і важка
пустеля неба.
А летіти треба —
без зупину важкі крила
несуть птахів
на без сонця захід.
Хоч іще не ніч,
сірий морок із туману,
наче море сліз,
небо вкрив надовго.
Лиш білі важкі крила
і мета,
що їх зняла у небо...
Диво
світу цього Божого!
Летять птахи,
а, може, душі близьких це.

26.06.12

Білою березою
в лісі синім-синім
серед гір величних
і вічного каміння —
тебе здалека видно,
і не пройти вже мимо
твоїх очей позимних.
У снах тебе я бачив,
летів в дорогах санних
крізь сніги останні
аж до весни.
Береза біла-біла,
і сік я п'ю, п'янію,
вдихаю гір повітря...
Чому ж не так все вийшло?
І тільки мрії, мрії
несуть далеко тіло
крізь гори, ліс
та ріки,
туди, де ти велична...
Береза біла-біла,
і ліс стоїть аж синій
посеред гір чарівних
та мрій моїх красивих.

26.06.12

— Русские идут!
Русские идут! — кричит
какой-то шут
и скачет впереди.
Русские идут,
лаптями гребут
прошлогодний снег,
чтобы что-то съесть.
Русские идут,
дураков возьмут,
которые их ждут,
как спасительный хомут.
Но лапти всем сплетут:
тем, кто денежки свои
сорвали на крови
резанной страны,
сковав ей кандалы —
они с дьяволом в крови.
Русские идут,
ну и пусть ведут
отсюда всех хряков
на Колыму,
и кровь с порезанной
страны
допьют там пацаны.
На долгие века,
падшая толпа,
с караваем соль,
на рушнике, где кровь,
предателей гурьбы,
чтоб жили пацаны —
совковые жлобы.

Русские братья,
не верьте вы в кнуты
загнузданной страны,
ордою из пены
поднявшейся из тьмы.
Русские братья,
смотрите в оба —
где ваши холуи,
а где любовь и мы.

26.06.12

Чорною хмарою
з горбів і до долу
велика неправда
до кожного дому
смердючою сумішшю
сірки з смолою
з святих колись пагорбів
безчестям без сорому.
Час прийшов
кволими кроками мороку —
спадок гріхів наших предків
ще змолоду.
Час прийшов темний,
сутінками повними
на наші рабські,
змусолені голови.
Тепер все дозволено,
треба лиш владу —
і можеш рубати
жінку чи брата,
дитину спадлючити
в міліцейській рубальні,
строк потім винесуть
в судах оправдальних.
А якщо борешся
з часом нечистим,
то приготуйся і причастися:
жди щохвилини —
загребуть в буцегарню,
вже б краще в могилу...
І каже якийсь депутат,
придивишся — хряк з гармошкою в руках:
— Якби я наказав,
то міліціанти були б сном ще рожевішим,
ніж той, що в дитинстві, тому що є
ще більші злочинці.

Мороком правда замальована,
фарбами, крізь які неможливо її побачити.
А ще брехня випинається правдою,
і вірити стали голови скраїні:
змішано. зверстано,
склеєно, склепано
десь глупої ночі
під суховербами в болоті
чорними згряями бісів пристанища.
Бог терпить довго.
Але ще не час Його.

26.06.12

Кофе влил,
пиво вжарил,
сигарету подпалил,
тумблера все отключил —
чувств сознания
и впал
в кому кайфа наповал.
Так живет теперь немало,
жизнь по-новому настала
и достала
всех свободой
и доступным телу
благом кайфа.
Ухнул где-то на работе
на буржуя в шестом поте
и расслаб нужен
для тела.
Кофе влил —
и полетела первой душенька куда-то,
а потом — вподряд! — всё квакать.
Так и время без сознанья
в коме кайфа улетает.
Жизнь живется в полный рост,
пока не скинут на погост.

27.06.12

Пусть всё дымом
покроется вешним,
как все мы сегодня грешны!
Давим друг друга
и матереем,
куда там волкам.
Звереем.
Русским матом
любовь укрепляем.
А где весна и май
под фонарями?
Смылись временем
хищных стараний.
Обломались все заранее.
Двигается поезд тяжелый
с грузом —
металл, уголь, —
и кому это нужно?
В забытьи серости,
скуки пробудной,
вставшей рано
и неуклюже.
Матом русским
любовь крепчает,
весна с маем
фонари разбивает —
камнем гулко
в лампы светящиеся
под стук колес
поездов летящих.
Абсурд авангарда
и клейкой массы
в поклоне зверению
бесцельной массы.

01.07.12

Сонця пересвіт
між листям
вітром колишеться мов намисто
твое з коралів.
Пам'ять з пам'яті.
Життя буденне
обертається святом — очима твоїми
світ не згасне.
А я такий, як і завжди
під літом:
любити, любити
сонце і квіти.
Ти — із світла
пелюсток рожевих,
квітами — на мої стремена.
Молиш Бога,
коня просиш
зберегти мене.
Скоро осінь.
І вихором бою
війна за війною.
Близько час розлуки,
коня вже осідлано...
Та я щасливий:
хоч в пам'яті,
у полум'ї світу
твій шепіт любові
завжди почую.

01.07.12

Маки червоні,
волошки сині.
Літня спека,
хліба побілили.
Жаром вітер дихає з поля,
хліб достиг.
А волошок доля —
така нестерпно
коротка стежка:
з житом зійти,
на полі померти.
Але зостануться сині очі
в літніх полях
любов'ю до неба,
до яскравих зірок.
Любити треба!
Смуток розлуки
дощем заплаче.
Громом літнім жахне,
здригнусь,
і, як було не раз,
дитячий страх —
русалки в житі залоскочуть.
Сині волошки,
маки червоні,
вітер жаром
сушить долоні
твої спітнілі,
і пахне волосся
стиглим житом.
Смуток розлуки
тихий-тихий,
волошки в житі.
Не розлюбити...

02.07.12

Заграва грає,
горить яскраво,
і сонце котить
по небу славу
духмяних днів
в траві у лузі,
Тебе зустрів.
Неначе друзі
колись були,
а тут вогнями
душа горить,
нестямне серце
несе туди,
де ти гуляла,
де цвіт в лугах
колись збирала.
І крає світ
гаряче сонце.
Уже обід,
і птах доносить
свій спів мені.
Та хутко й вечір.
І я піду, зігнувши плечі,
у ніч, під молодик,
немов назавжди.
Шукати час —
тебе знайти...

02.07.12

Струмочок струменить
кришталем води.

Сумую я,
сумуєш ти.

А літо грає і горить,
під сонцем —
світла мить.

І ми досхочу
вип'ємо ночі,
можливо, колись.

На місяць ясний,
зорі тихі
не надивитись.

І ми досхочу
вип'ємо воду
ріки життя,
що як сльоза.

Стікає знову
струмок до дому
душі,
що смутку повна
й болю

такої важкої
любові без волі.

Збіга наш час,
біжить сльоза
ріки життя,
і смуток доганя
тебе й мене.

Любов свята,
якщо і гріх,
тому що серце
при ній болить
і просить волі.
В обіймах долі
згоріти б нам...

02.07.12

Нове життя настало знову.
В новій кузні
коваль кує мені підкови,
і кінь копитом б'є.
Трава зелена,
лик твій у віконці.
А по селу пливе
небесний дзвін,
ковальських молотків
то передзвін.
Сміються діти біля річки.
Птахи радіють.
Дзвенить, бринить
небесний передзвін..
Вже хутко кінь мій
полине в небеса
на нових
сріберних підковах.
О, мить життя святого...

02.07.12

Світять сади
мені зіркою з неба.
Світять сади,
як колись, біля тебе.
В місячну ніч
яскравих дерев
де поцілунок твій,
де?
Світять сади
та немає тебе,
і тільки надія
мене веде
в далекі гори
ночей сріблястих
в травах росистих і білястих,
туди, в глибини
туманних злив,
де тебе я колись загубив.
Щастя котилось
з гори рікою,
я не цинив
життя з тобою,
я все шукав
нові сади.
Шукав, летів
в тумані днів...
Біло-рожевим світанком ніч.
Як я любив тебе!
Та не зумів
час той залишити при собі...
Квітучі дерева
моєї журби.

02.07.12

Вовки на поляні
лісу сірого.
Осінньої ночі
тут я зустрів тебе,
із казки красивої
про любов.
Вили вовки.
Ніч осіння
холодна і довга.
Іній сріблястий.
Я вуста твої
грію своїми.
Моя любов
зі снів чарівних —
осінь довга —
і нам з тобою грітись
біля вогню
вовчої зграї
в лісі сірому,
у казці.

02.07.12

З недолі — в долю,
на білім знову.
Недовга мить ця пролетить,
і знов — недоля
чорним полем
мене поглине.
Не назавжди б!
Одна надія
зі мною щира
завжди шепоче:
“Терпи і йди.
Закінчиш чорне своє ти поле,
а там і біле”
Назажди б!
Так не буває.
Кусає серце моє журба:
ось знову скоро
на чорне поле...
Як же від нього
мені втекти
на біле поле
любові й щастя
та й назавжди?!

З долі — в недолю,
з поля — на поле
чорно-червоне
від журби.

02.07.12

Мряка.
Зрідка крякне качка.
Над озером тихим промінчиком
листя жовте з верби
на коліна мені.

02.07.12

Чекаємо зустрічі з тобою,
я і мої мальви.
Писала ти в саду
мені листа,
з рожевої мальви
зірвала для мене
пелюстку,
яку я біля серця бережу.
В тюремній камері сиджу,
товчусь серед таких як сам.
Війна серед війни —
листа отримав я.
Країно ти моя,
ти в мальвах вся,
твоя краса — краса любові
жінки із листа.
Цензури шепіт від долівки:
“В тюремній камері
ми з вами...”
І терпимо ми довбню
хижих териконів.
Під літом з мальвами
в любові топимо
неправди лиха, зла.
Любов завжди права —
і переможуть мальви
в нашій серці.
Любов твоя
з моєю разом
лихо з України скинуть
на бистру воду.

02.07.12

Почему так долго в тюрьме
колодою лежит социалист
Василий Волга?
И почему на свободе
чиновничья Чин в Чине
понятиями правящая шобла?
Мысли все не дают покоя:
а что народ?!
Да осталось лишь понятие такое.
Сегодня — поселенцы, население
в электоральном поле.
Жатву горячую ведут
не на земле,
а на митингах
с удочкой и флагом над головою.
Без крючка, наживки,
просто скандируют
написанные лозунги.
Убожество какое!
А вечером — зарплаты крохи
в разучившиеся работать,
ледяные зимой, руки,
а летом, от жары опухшие,
и тоже без труда
и в скуке.
Чин Чином правит бал
низменный и относительно
в покое.
Опозиция-то есть, но там...
Предательство такое!
Какие-то все люди-тушки,
запах от них, —
считай, уж двадцать лет, —
гнилушный.

Но мало отошло в миры иные.
Живущие бессмертны.
Предатели такие!
И мысли ночью не о том,
что есть любовь,
что женщина бывает
в крике в апогее.
Ночью все ужасы жизни,
вой,
а сны кошмарные такие!
Чин Чином дьявол черный,
не иначе.
По партиям летают лимузином,
но перед Верхним
клячат согнутые спины.
Такие времена во лжи
погрязшей скверны —
остались поселенцы здесь,
и мало, очень мало
Богу верных.

06.07.12

Коллегам-поэтам

Завистью все прочитают
и, хотя бы в себе,
но угробят.
Замусолят, заумствуют,
мудрствуя заблагородят.
Строки, написаны кровью
и сердцем почему-то коробят.
Завистью ушлых,
других непохожих,
в день, когда солнце и лето,
пригожий день
удался в неудачу.
Что-то хотели сказать, —
но! хитряга вывели! —
зависть жестокого сердца
на капли росы
стекающих с веток,
и без афоризмов, эпитетов, образов
на эту росу плюнули
подлостью.
Как описать,
и что вам добавить,
или урезать,
что б вас уболванить?
Я поэт и сын Бога.
Я его плоть
с кровью народа.
Я говорю,
а вам ведь не слышно.

Лишь только зависть
бревном заколышет,
и хочется слёту
ударить колодой
в верного Богу.
По-другому людец,
испоганившись,
просто не может.

06.07.12

Ты написала мне краткое
в одну строчку письмо:
“Я хочу тебя поцеловать”.
Строка во мне осталась
и стала музыкой звучать.
Опять, опять
я повторяю про себя,
как я люблю тебя.
Твое краткое,
но с молнией сравнимое письмо,
ночью грозовой звучит оно:
“Я хочу тебя поцеловать”.
Любимая моя!
В летнем солнце я горю,
и музыка письма
звучит во мне
твоей любовью на невидимой волне.

06.07.12

Бог дал мне лето,
и я лежу в лучах
на теплом вымытом песке.
Волна бежит,
бежит ко мне,
смывая без конца песок,
который возвращается назад,
и в этот теплый миг
играет солнце
в листьях над водой,
крик чаек белых
надо мной.
Мне дал Бог лето
еще раз.
И я лениво не всяк час,
без мыслей лишних
на ветрах
молюсь все реже.
Но не вспять
моя любовь к Творцу —
мои все дни стали
молитвой славы бессловесной Ему.
Я грешный человек,
но время
дано на новый поворот
к Нему.
Я чувствую всегда Его любовь,
и я Его всегда,
боясь, люблю.

06.07.12

Дни мои серые
будней изысканных
вьюгою в сердце
друзьями нечистыми,
что языками геенны смрадогненной,
ленью “любви” безмозглою —
морозом и льдом
в середине июля.
Полюс мне северный
с ветрами, бурями.
И сжавшись в комок замороженный
я пробиваюсь к любви,
той, что есть настоящей,
где с Богом все.

07.07.12

Люди, кричащие в снах
придорожных,
чудовища с виду и все,
как прохожие.
Двигаясь быстро
змеей перепуганной,
стадо топенное,
сердце Иудино.
Злостью накачаны,
как шины машины,
что-то мне вякают
о себе что есть силы,
флаги достоинств,
орденами увешанных,
под музыку кеглей
двух фонарешенных,
дуэтом поющих
о стране в лоб ударенной,
но вроде в любви
объясняются парни.
Главный парашник
и его подподельник
песни поют
в праздник недели.
И горькою чашею
в снах, где все срезано, —
деревья, трава —
и птиц перевешано,
в снах, кроме дня,
их кругом вращает.
Спасите меня!
Но меня с ними
здесь опять оставляют.

07.07.12

У грудях,
десь там у глибині,
зривається любов до брата,
але в мізках сидить
сокира в хаті.
Хто переважить
в кантері оцім?
Я думати хотів.
Та все ж перемогла вона,
відточена до бритви,
сокира.
Сила в ній.
А та любов до брата —
вигадка чиясь,
коли собі потрібно стільки:
і жінку зодягнуть,
дітей навчити розуму,
їм дати шлях
й будинки збудувать...
А скільки тягне один цвях?
А брат, любов...
Хоч шкода всіх,
але хай поки підождуть —
не день наш вік.
А вчать же — кожен за себе.
Людина тому й рве,
щоб успіх не потрапив
десь комусь.
Успішних люблять.
А хомут?
То тяжка справа — для нездари.
Хтось там про Бога
десь колись мені казав.

А що, я проти Бога
плуга взяв?
Я вірю, що Він є.
Молюсь. Хрещусь.
Та ще й боюсь.

08.07.12

Я белою чайкою
лечу над лужайкою,
там странные особи
по-жабьему квакают.
Я белою чайкою
вдаль улетаю
над Междунорием,
и глаз не хватает
мне охватить
даль бесконечную
владений вождя
с черной меткою.
А на лужайке —
мыло, мочалки,
моются все,
кому сверху приказано,
и по траве стекаются пенками
в трубы коллектора
золото, денюжки,
к телу прилипшие
в поту трудов мразменных —
здесь смывают все
для золота партии.
Белою чайкою кручусь
над лужайкою,
где трутся мочалкою
морды с притравкою —
кислые, хмурые,
как щи забродившие,
с трудом жаднопорченным
сдирают с себя золотце
прямо в копилочку.

Белою чайкою
падаю в море
с глазами закрытыми,
чтобы навеки
забыть мрак в Междунорье.

13.07.12

На Черноморском берегу
играет музыка бузу,
танцующий фонтан
для дам
и для хозяина роскошного дворца
супержлоба Хапанчука.
И Гость его, осозерцав богатство,
весь вечер брязкал
навесками наград.
Он русский царь.
Тоже неистово богат.
И плыл под небо смрад
величия богатств дворца.
А по больницам
онкодети мрут
из-за такого подлеца.
— Нет средств.
Худой бюджет. —
казенный служба режет речь.
И пляшут во дворце
напыщенными бесами
под музыку упавших
от Земли землян.
А в это время
улетают в небеса
души умерших детей
по воле Божьей,
но и по черстовой воле произвола
земного властелина-подлеца.
И терпят, терпят люди,
и терпят небеса...
Такое озверение
цивилизации конца.

13.07.12

Позалізали в нори, шпарки
після поразки перегонів
президентських,
перелицювавши шапки.
Круп'як Юшко-Суповський та його друзі
тремтіли довго,
поки їсти не схотіли,
потім, як ті щурі навчені,
полізли по одному
до печені,
яку завжди недоїдав Лихо Фунтович.
Багато всього з'їли
за ту буремну,
продану чортиськам осінь,
а потім побратались з ним
у поцілунках.
На рушниках в калині
при дарунках,
які приймав Лихо Фунтович
і со-друзі
російською чортанили подруги,
російською співали з Предкозлоном.
Збраталися і в Ялті іменинній,
під вазоном,
в затягнутім надовго поцілунку.
Збратався Круп'як Юшко-Суповський,
недоумок,
з таким же братом Лихо Фунтовичем,
назавжди.
Навік спаяло полум'я пекельне...

15.07.12

Полип Херхоров
на сцене зол и мрачен —
у него по жизни неудачи.
Ушла жена,
что матерью возилась,
ушла к другу,
от которого смутилась,
а друг-предатель нож
Полипу в спину —
рога наставил,
увел Козу Козлину.
И мрак в душе,
и злость на жизнь,
но что здесь делать?
Попса держись!
Все это норма
для вас на сцене.
Смешить обломно.
Все надоело —
и ноты, тексты.
За эти бабки
всю жизнь оркестры
серпом за задцы.
За эти деньги
под камуфляж
ножи хирурга,
жизнь в аншлаг.
Усталость сердца, а в кошельке
запас скандалов
и мать в жене.
Старуха с бала
в постель чужого малыша.
Попса в ударе,
но до низа не дошла.

16.07.12

Рублевское шоссе
и город Крымск.
Трупы, плавающие в воде,
и архитектурный изыск.
В один и тот же день
и время Московское то же,
девочка от скуки
в “Рендж-Ровере” едет
за третьей шубкой
из соболей русских, престижных,
а в Крымске — сотни, сотни, сотни
плавающих в мутной воде
трупов. Уже опухших и синих.
Гибли целыми семьями,
гибли поодиночке.
Дома разрушены.
А в это же время
на Рублевке
богатый чиновник-бизнесмен
от купленной любви
с девушкой стал как пьяный.
Мигают телевизионные каналы —
Великий Во на вертолете летает!
Смотрит горе через иллюминатор,
как в телевизор, —
полет безопасен.
Чья-то безалаберность
в русском характере
души загадочной,
но порядком давно загаженной.
Девочка скучает в “Рендж-Ровере”
с шубкой —
хотелось еще развеяться,
но нет связи с подружкой.

Подружка с папой,
чиновником рулевого,
который в это время
награждает
других чиновников-героев.

17.07.12

На плакате серп и молот,
цвет огненно-красный,
между ними “стингер”
и мужик зубастый.
Видно сразу — коммунист,
из тех, что вечно красный.
Изо рта летят слова,
гневом заклеимленны,
буквы по аршина два
злостью лупят вроде бы народной:
о бандитах, что украли
всю страну до нитки,
и что деды их сажали
в тюрьмы, а мы свыкли.
Дальше тот мужик рычит
о стране, что сине-красные
вновь вернут народу.
а бандиты — ни чик-чик,
с коммунистами их кодла.
Просто выборы идут,
рейтинг впал в помои,
и поднять его спешит
партия, что зону
строила, считай, сто лет.
Сами оплошались,
а с бандитами сошлись,
на деньги их сыграли.
А народ?
А что народ?
Дышит еле-еле.
Помнят старики “совок”
и меняют бюллетни на деньги.
А все как было, так и есть,
все как было будет:
коммунисты, женсовет
все уйдут туда, где свет
красный по витрине.

Под бандитов лечь опять,
в лапу денежки кап-кап,
и дуриль народ на дне
лозунгами типа:
“Петя не себе, а мне”.
А вождь их сине-красный
всегда себе лишь “на уме”.

24.07.12

Жизнь наизнанку,
белье наизнанку,
и уже спозаранку
на площади с банком
стеклянный, прозрачный
журчит унитаз.
А очередь к нему волнуется,
качается, чумуется.
И вдруг сирены вой,
кортеж летит лихой
с главным настоятелем
с народом чтоб покакать бы.
А в очереди плачут все,
такое уважение,
любовь к ним с приближением
тела поднебесного
на унитаз повешенного.
И воет очередь,
пуская пузыри слюны.
Где такое видано?
Да нет такой страны,
чтоб вместе спозаранку
с народом наизнанку
вывернуть штаны.
А ветер качает знамена.
Штандарт стоит колом,
и громко
смывается все в унитазе.
Желающих вытереть сзади
сегодня так много повстало.
А сами-то не успели
за главным,
и ветер уносит с площади запах
парфюмов,
налитых смотрящим не даром.

Встречали вчера, сегодня и завтра
главного
Народного Царца.
Жизнь наизнанку.
Белье спозаранку.
Все видно.
И власть единится с народом
все ближе.
Журчат унитазы, биде
по стране,
и радость любви,
что вместе здесь все.

24.07.12

В депутатском зале
опять разгорелись баталии
между партией власти
и оппозицией вечно
плетущейся сзади.
Драки до крови
кусками стальной арматуры,
цепи железные тянут
две патлатые дуры.
А вопрос ничего,
не глобальный,
типа, земля и заводы.
Вопрос — мелюзга.
Решили поставить
электронный протез руки
на стол Чечеткина,
депутата Махайла в подмоге.
Протез соединен должен быть
с системой голосования “Рада”.
Копейки с бюджета,
а тут оппозиция зверствовала,
как будто торнадо.
Устал махать депутат
столько лет для народа.
Прогресс в стране,
рост ВВП плюс погода,
когда болят кости,
и коллеги дома, в постели.
Пустили ученые годы
для этой великой и сбывшейся цели,
но что оппозиции, рвущейся к власти?
Нет у них милосердия
и сострадания
к правящей касте.

Кровь, арматура
и треск костей перемешанных тел.
В результате оборваны руки
главдепутата Махайла.
Протез утвердили
назавтра в режиме “негайно”.

25.07.12

Уснувшая совесть,
а, может, умершая,
какая-то странная,
в плесени, сблекшая,
всего народа, всего отечества,
лишь где-то проблески
огня воскресения.
Языки пламени в небо,
без тления.
Воскресшая совесть
так сегодня ко времени.
Спящая совесть,
или умершая, —
страшная новость
до нас дошедшая.
Кладбища совести
для всей страны
построить бы.
Нужно и каждому
индивиду в отдельности
могила для совести
с документом соответственным:
знак на груди
об отсутствии совести,
спящей, ушедшей
в безвременной горести.
Горе невидано,
горя невидимо —
целый народ
добровольно изгрызенный.
Дай мне слова, Боже,
дай силу
огонь низвести на дрова,
где совесть поленницей
поспать прилегла.

Чтобы от пламени
сон отошел,
чтобы воскресла
мертвая вновь.
Как же без совести
дальше идти?
С тупым безразличием
к жизни, любви.
Совесьть уснувшая,
мертвая спит!
Совесьть народа...
ее б разбудить,
воскресить...

27.07.12

Не видеть мне
при жизни славы,
не знать мне
и любви людей,
лишь только языков
корявых жало
сжигает ядом сердце.
— А ты верь! —
я говорю себе.
Людей хороших больше,
чем казалось.
Заблудшие они теперь,
идущие со зверем зверь.
Такая сила сатаны,
с ним не жечь любви костры,
с ним на борьбу
лишь жертвой сердца
отдать себя.
И не нужна жалейка
для воина,
что выбрал путь,
где розы не цветут,
а лишь шипы кустов
срывают кожу в кровь
и яд аспидов-языков,
как кнут,
которым рвут
сплошные раны.
Вдруг!
Опять Его любовь,
ее я слышу вновь.
И люди те, что с Ним
ко мне с любовью.

Сын Отца!
А кто здесь я?
Если Его убили языки.
И говорю себе:
— Терпи!
Терпи!
Терпи!
А слава — то пустое,
лишь новые с нее грехи.

28.07.12

То, что мы не можем победить,
мы ненавидим.
То, что мы не можем покорить,
мы ненавидим.
То, что мы достичь не можем
мы ненавидим тоже.
Города и страны,
моря и океаны,
женщины и власть,
знания и деньги, что не сосчитать —
истоки ненависти,
злости.
Истоки подлости,
как кости рыбы,
застрявшие в тебе,
причины недовольства здесь в еде.
А, может, это зависть гложет?
И ей нужны победы тоже.
Может быть, в ней зло все,
планетное и то,
что столько лет у каждого внутри,
грызет, как паршивец-короед,
приставший, и не оторвать.
А ты будь мудр,
и радуйся за хлеб,
кровать,
чтобы тебе быть
не таким, как все,
и не бежать
туда, где выдают успех
на чеки,
по которым приходилось
честью торговать.

Будь, как солдат,
старательный и смелый.
И воевать и побеждать
всем миром,
а не одному себя
на части злостью рвать.

28.07.12

Спозаранку в голове
я слышу голоса —
победный рык, рычание,
а перед глазами дребезжит коса.
“Пришла болезнь,” —
подумал я.
Шиза.
Но оказалось,
что это терриконовский партийный съезд.
Буза.
Обратка.
Ксерокс из КПСС!
И мрак напополам
с обещанной едой,
и снова кто-то
рвется в дом.
Сдержаться, устоять
и пережить.
Недолго будет этот рык.
И я упал в кровать,
закрыв глаза,
и снова
острием в лицо
летит коса.
Начало выборов пока.
А что ждет нас,
когда закончится буза?
Везувий страха меньше
выдал на гора,
чем кучка терриконов,
что легла под дьявола сама.
Сама дала ему,
взяла себе
окрашенный в сине-белый цвет
кровавый флаг КПСС,
из Колымы тот цвет,
из Колымы и этот цвет.

Миллионы за него там полегли,
лягут и здесь, многие уже легли.
Лихие паханы
подмяли под себя
истории страничку.
А народ внимает партии
открытым ртом недоумкина
в ответ,
и покупает сам себе
бюллетень-билет,
на тот, с косой,
что в черных покрывалах,
свет.

31.07.12

Выборы у нас, как время года —
осень и непогода
в головах и тех и этих.
население разделено,
как в ипотеке —
кто-то дает,
а кто-то получает,
электорат и кандидаты,
как в футбол играют.
Сыра трава и лист опавший —
гоняют мяч дед с протезом
палкой,
старуха на тележке
клюкой,
и много партий в форме,
при флагах,
и все хотят дурнуть
друг друга.
Выигрывает пока,
как и всегда, подруга-вьюга,
что властью названа
еще с тюрьмы и комсомола,
что властью стала
в рэжете над продающимся народом.
Мало кто подумает о завтра,
о детях, внуках,
просто о стране-игралке,
а бросит бюллетень,
туда, куда прикажет власть,
чтоб снова в роскоши подняться,
стать в полный рост
и посмотреть вокруг:

— Мое все, — говорят они. —
Народец тоже мой.
Смотри, на костылях,
что я им смастерил,
идут...
А многие — во дураки! —
прячутся в кусты.

02.08.12

Безлюдь
над нелюддю пустелі
людей, що страхом
із землі стерли
й загнали всіх по хатах.
Безлюдь пустелі
виправив рай
для себе, рідні та нелюді,
що поруч
в кризі тане
і каламутить потім воду.
Безлюдь з безлюддю
надворі з літа
робить зиму,
віхолу зі страхом в спину.
Людей,
що борються з свавіллям
мало,
полетіли душі відважних далі.
Зостались люди,
що цурались братства
та любові, волі,
лишились пасинки недолі,
що в школі, в комсомолі,
червоним дияволом в гартівні,
лишили все, що він любив.
І квіти в'януть
не від сонця,
а сорому,
що крихти в домі.

А заздрість лихом лихоманить:
— Моє! Моє! — кричить керманич,
кричать з ним нелюди з неволі,
а люд, зігнувши спини долі,
ховається по всій країні
від нечисті,
що все заповонила...

07.08.12

Украина — чудо-горе
тянет по векам-просторам
тело дряхлое, в руинах.
Как короста, в неё впилась
ордынская рать без страха,
и полилась, покатилась
над речками, лесами и селениями
тьма-тьмущая
от гордыни кучки баев
от веков далеких, темных,
через тюрьмы, вертоломни.
Дух страны сломался луком —
лопнувшая тетива и муки
небывалые в жестоком вихре
лжи и правды.
Ось в пороках,
на которых держат тело
гор, земли и рек с морями.
Болело всем щемящей болью
сердце,
но потом привыкли
дерзко жить без Бога
и пороги снова Днепр открыл.
Но нет духа, нету силы.
Мракуроров засадил всех
вместе с Пилимилициром.
По застенках сильных мира
смерть стенала и косила.
Армий генералов рыла,
выросли от хрячей снеди,
их так много на постели
в нежных, с пухом, красных тканях.
С бабами и главначальник
на кровати в Огогоре,
видит всех в бинокль чрез море,
что болотом протянулось,
тиной вверх,

и болотнулось по руинам,
скрыть болезни после блица покоренья
неньки бедной без ноги,
очи ранены в пути,
маршалом, которых шесть,
тайных, скрытых
на насест.

Генералисимусы там
моют ноги по ночам,
и выходят в форме с ратью сторожить
свое захватье.

Новая страна — Кашкет,
как Панама прошлых лет
в руки пала оккупантов,
и плывет луна здесь зайцем,
Солнце тоже вполнакала,
так их армия пугала
с тыщей сытых генералов,
прокурором Самосвалом,
что ломает, валит, пилит,
то скорежит, то утилиит
люд, оставшийся в загатах,
потому, что звери в хатах
и местечки все забиты.

Покорители побриты
на захват соседа строят
ратные полки в дибровах —
взять им хочется столицу,
на Болотной веселиться
и парадами пройтись
в день Свободы.

Отвались им счастье в горе,
пусть идут они, и вскоре,
север бахнет топором.

Там всегда был всем облом.
Под Смоленском и под Курском,
под Москвой и под капустой
может ляжет общий враг,

а пока готовят баб
для обоза генералов,
моют женщин, чистят знамя,
выдают патроны в руки —
пули полетят потом.
но суки воют по деревне,
кобели им вторят.
Время выхода в поход —
за победой все вперед!

07.08.12

Там голе поле,
і трава безсоромно гола.
Там крихти совісті,
як в пальцях щупта солі.
Там вітер виє,
як в полонині.
Там небо в хмарах
дощить і нині.
Мій край безслівний
і тихий, тихий.
Лиш сивий вітер,
що з дому вийшов,
і тріск гілля у лісі,
і стогін сосен...
Це совість плаче
тих, хто бурлачив,
зігнувшись низько,
очима в пні.
А совість мерзла,
потім згоріла
сама в собі.
А дощ спливає,
і криє поле,
і косарі не йдуть додому.
А трави голі,
безсоромно голі,
живі, тендітні,
мов маленькі діти,
в цім страшнім світі...

07.08.12

Они все ставили на деньги —
впрезиденты,
мракопартии,
премьер-моменты.
А мы все ставили
на совесть.
Желание жить в правде
милости с любовью.
Мы проиграли туры,
что прошли за двадцать лет
секундой.
Они сорвали банк купюрный,
земельный и людскорабынский —
мрачный, душетрудный.
Они над нами, вроде бы,
там, в небе,
но все быстрее
опускает их
на шариках надутых,
которыми они игрались купой,
и падают теперь
с нитками в руках
на землю.
А нам новое пришло прозрение:
темная сила сатаны
метала банк им —
карты все крапленые кровьями,
а у нас на руках
остались те же наши пальцы,
сложены крещенных знаменiem,
недаром пылающие жаром.
А дальше время
новый носит ветер,
и подрастают дети,
твоя страна,
уже навеки!

12.08.12

Контора “Энергокиев”
как-то тихо
к хорькам из терриконов
отошла —
киевляне поклонились
за осла.
А тут приказ от главтеррхорька —
всем заключить
на года три договора,
мол, на поставку света вам,
дорогие киевляне, бао-бам...
И что? Пошел народ
битком в конторы,
народ привычен к исполнению,
покорен.
А завтра хлеб купить и сыр,
тоже нужно будет
договор с бумажек кучей,
чтобы подписал кассир.
О! Многим нужен будет нашатырь!
Немало там падет моих людей,
из нации, как говорил
бухгалтер-прохиндей.
Очередь людей.
А очередь из главблядей?
Я не пойду в контору вашу,
укравшие страну в нищак!
Я есть поэт,
великий гений.
Я буду жить с фонариком,
и ждать от Нобеля всех премий,
не видя ваших
гнусных рож из терриконов.

Телевизор глаз закроет
как кондомом —
брехни не буду слышать и видеть
навешанных на уши вермишелей.
Я не пойду.
Я — воин и к тому же — гений.
Я после Нобеля куплю ветряк,
поставлю на балконе просто так,
и из пропеллера я получу
поток электронов.
Потом я терпеливо дождусь
национализации
всего украденного
в нашем большом доме,
и деньги премии пущу
на номера
на телогрейки,
что бросит вам на плечи Колыма.
Крутые номера!
Такие, как на ваших тачках.
Вы любите с несчастного народа
выделяться:
и три семерки, и три восьмерки,
и три девятки, и тройки три;
а самым знатным —
один, два, три, четыре...
Такие номера на телогрейки
от вами изнасилованной страны.

12.08.12

Предатель с предателем
на красной траве
о чем-то нам вякают,
аки бес на трубе.
А вот еще группа
таких же, как те.
С горки спускаются
шеренгой по семь
дивизий с гербами
предавшихся всем.
Жутко мне стало
в окопе войны,
как ее выиграть,
ведь сплошные кранты
предавших предателей,
родину, мать,
предавших себя,
чтобы начать опять
предавать, предавать.
Рожи их хитрые,
подлые все.
Где это видано,
что столько их есть?
Что за народ?
Кем он рожден?
Что столько предавших
своим же фуфлом?
Я тихо в окопе
свое отсидел.
Уехал из родины,
чтоб не видеть как зверь
поганит поганцев
для грязных делов.

Друг другу
не верят здесь,
даже если ты сам
сверхпрокурор.
Вера истоптана
подлостью слов,
которых предатели
сносят с основ,
и слово становится
просто пльвлом
из ртов, огороженных
частоколов бесов.

15.08.12

Окриком грозным конвоя
ведется снова колонна
бессчетного люда
по грешным просторам
больших территорий
непаханных нив, садов одичавших
и свалившихся хат,
заброшенных в радостях.
И нарасхват
билеты отъезда,
туда, в города,
где ярким, цветным
все казалось тогда.
Но блат... Все по блату.
Отсюда — “блатной”.
Мир стал богатый,
серость, как фон,
где двигались люди
с душами детей,
обиженных временем,
сломанных в пень,
когда срезано все,
что можно продать,
а пни остаются
в земле догнивать.
Вот так и люди
остались одни
среди бордов агрессии —
от них яд по крови,
и он не выходит назад,
остается в душе —
отравлять то чистое, Божие,
от схемы блатных.

И снова вдруг крики:
в колонне притих
каждый, кто хочет
пожить, даже так,
а конвоир пустил в ход автомат,
ствол и приклад.
Новый порядок —
Совдепии взмах,
от старой остались
корни, ростки,
и буйною порослью
в ад проросли.
Ад территории,
касты блатных,
больничная воля
для серых живых.
...Вот кто-то вильнул,
убежал в бурьяны,
чтобы к Богу шептать
молитвы любви.
Но брошены псы,
они всех нашли,
в колонны построили
и повели...

16.08.12

От ящика до ящика — судьба.
От ящика до ящика
гнузностями жизни
в канавах мерзопакостных
дорога пролегла.
Такая, вот, судьба.
Телевизионных действий,
пророчеств
и любви чужой
по шоу увешанных картинок —
бери!
И все берут,
прилипшие к стеклу, где страсти,
зной жизни, впустую выдуманной:
как не картинка — то герой.
Бесами нежно, ласково,
изо дня в день,
плещется нам варево
дешевеньких затей.
И мы, прилипши, чвакаем,
жуем с утра и в ночь,
и в праздник даже.
С ящиком встречаем Новый год.
А год за годом катится,
и в тонкостях мишуры
варево стончается
до самых тонких мур,
вливаясь в наши головы
и головы детей.
И с ним проходят доли
канавами быстрее,
к другому, типа, ящику
из дерева,
туда, где исчезают гадости
и вечности судьба...

16.08.12

Меж сосен двух сухих
сидит паук.
В ботаническом саду,
где птицы радовали слух,
гулять любил тогда еще
нормальный люд,
сегодня резиденция —
кованный забор,
охраны тьма.
Сидит налитый кровью
человеческий паук.
И сети-схемы режут слух.
Ласкает сердце душегуба
звук
затвора автомата:
пух-пух-пух.
Падают хозяева,
попавших в сети предприятий,
и наращивает финансы паук,
купивший патроны.
А начинал было просто:
паяльник и утюг
на место мягкое,
что приглянулось вдруг
глазищам душегуба.
И свет на это все лила
красная, от дьявола, звезда.
Его это были друзья.
Вскормили паука,
чтоб отщипнуть себе.
Не знали краткоумные,
что быть беде —
упасть в схемы-сети
всей стране.
И выморенные души
тратит люд на адский труд
за мелкие подачки,

чтоб купить лишь
хлеб, штаны,
а кто богаче, то утюг —
погладить детское белье,
растить рабов
в хама кубло,
чтоб сети было ткать с кого.
Меж сосен двух столетних —
два воина
говорят неспешно,
и Богу молятся о силе духа,
чтобы собрать народ,
такой же сильный,
смелый духом
и вырвать с корнем
те сухие две сосны,
сжечь их с пауком навек.
Прости меня, мой Бог!
Прости! Нельзя мне по-другому.
Я человек...

16.08.12

Ночь кошмаров,
диких снов
отошла и я здоров,
созерцаю,
как где-то в небе далеко
она растаяла.
Легко стало на душе на миг.
Утро гонит новый день
шальной недели.
А за окном я слышу крик.
Снова митинг каруселит
по поддержке депутата,
что на борде рожа раком,
из какой-то терартели,
наш спаситель.
Неужели он спасет?
И другие в полный рост
раздают нам всем подарки —
раздают, что им не жалко:
то съестное, то для дома —
мы за них готовы
с ломом
друг на друга,
так нам головы надули.
Пилюли не помогут,
нужны кнут, веревка,
где-то плачут наши зоны —
нас закроют,
определенно.
Когда выиграют все,
когда выборы вообще
отменяют или отменяют
не нужны будут качели
партий, блоков
и верхов.

Нас закроют
как быков
за заборами в коровник,
размножаться,
что-то строить,
но себе и для себя
из навоза и песка.

17.08.12

Сини твої й доньки,
моя Україно,
зі скарбом злиденним,
покинувши мрії
про поле любові
і жито на полі,
яке не посіяне знову,
стежками, дорогами,
тисячами та мільйонами —
на Захід, на Захід.
Все більше та більше.
Прислуга панам,
повіями
і тут і там.
Прислуга, повії...
А їх мами ростили
для щастя та долі,
у квітах купали,
в любистку та травах,
щоб виростали
на радість Вкраїні.
Їх вчили.
Молили і Бога
вдень та вночі,
а тут нова держава,
та знову без крил.
Втратила глузд,
любов та мораль.
Держава неволі,
держава, де крав
кожен і все.
І трясє тепер люд
негараздами лиха,
злиденності, брехень.

Вузюня стежина
до щастя
заросла бур'янами,
загубилась,
лиш трясця і стогін,
і страх берегів —
то лівий, то правий
здрігається бік
не тільки Дніпра,
а й партійних пройдиґ.
І йдуть сини й дочки
з старців у старці,
але там є шкварка
і білі млинці.
А душі їх в мороці
долі чужинців
тремтять по ночах
у снах,
де тільки безкрайство
й безслізне безмрійство.

17.08.12

В белом-белом свете
небо без конца.
В белом-белом вихре снежном
облака.
И березы белые
в шапках снежных
пляшут в ветре,
что с морозом
гуляет по Руси.
Слезы редкие стекают
в путников,
что тайно под березами
ждут весны.
А снег несется с неба,
и нет конца.
Надежда,
что я найду любовь,
как прежде.
В просторах русских бесконечно
мне бродить.
Ностальгия.
Мысли в прошлом.
Жизнь с березами я бросил,
поменял мороз на холод,
холод, что в душе так долог,
и согреть меня не сможет
здесь никто.
Ностальгия.
Слезы мимо,
но от них —
тепло на память
вносит в мир
лесов бескрайних
под березы в русском снеге.

Я б остался там навечно,
но судьба тепла хотела,
русский север (холод телу),
променял на холод близких.
А весна, вдруг, озарила
Русь бескрайнюю.
Забила по снегам
вода ручьями.
На березах —
листья и сережки.
Мне б напиться соку
чистого, как слезы,
но я пью судьбу лихую,
здесь, на родине тепла
тоскую
за тобою, где береза,
русской женщиной,
под снежным кровом.

17.08.12

Одиночество
удивительный мир
для тебя, друг мой,
открыло.
После долгих страданий,
тоски,
мудростью наполнило
душу,
мудростью вскормило,
взрастило.
Одиночество —
школа для воина,
бесконечно высокая.
Одиночество —
дух укрепляет,
и возносит высоко.
Божий мир и красоты
встают, как рассветы.
Каждый день твой
вдруг первый с рожденья
и света,
и последний
для насыщения глаз и души.
Улетело время
не зря.
Одиночество —
мир не для дикаря.
Одиночество —
мир превозмочь, победить
и прославить
Того, кто создал этот мир,
тебя,
не случайно.
Одиночество — подвиг
среди себе не подобных.

Не гордыня,
а призыв
отойти, отступиться
от дороги,
где со скоростью шальной
жизнь куда-то мчится.
Одиночество.
Тихо и очень счастливо.
С одиночеством Бог
говорит на равных всегда.
И подарки Его
духа сила.

17.08.12

Ностальгия — это ты,
крик изорванной души.
Ностальгия — это ты,
стон поломанной судьбы.
Ностальгия — это ты,
радость детства и воды,
что стекала вниз дождем.
Озеро, река и дом,
где родители всегда.
Пахло хлебом. И гроза,
отрываясь от жары,
в лето, молнией, с горы.
Ностальгия — это боль,
что осталась здесь с тобой,
в мире лжи совдепий разных.
Та прошла,
а тут вдруг важный
бесов полк зашел опять.
Гнуть, душить, травить и рвать
все себе и для себя.
Черт с тобой! Бери здесь все!
Но им нужно
нас утюжить,
чтобы крики в наших душах
рвались в небеса,
к Богу, в вечность,
чтоб оставить мир,
где песни об эрзацах
и пластмассе,
где любви нет,
но в запасе
нож, что в спину
конвоиром каждому.
А кто сильнее чуть —
отойди от строя тьмы.

Ностальгия — это ты,
но спасти никак не сможешь.
Ты лишь боль,
и сердце гложешь.

18.07.12

Пуля ищет лучших,
но это не тот случай.
Я не такой.
Пуля ищет лучших,
но я не герой.
Вжав голову в плечи
я посылаю свои пули
навстречу тем,
что ищут нас.
Окопы по полю
маков красных,
и кровью
красится поле,
и маки ложатся
головами своими на горе,
что здесь для кого-то.
Мало осталось плохих,
они отошли
и на миг
поле застыло
в зловещей тишине.
Минута молчания
по тех, что остались
лишь памятью здесь на войне.
А поле красных маков
укрыло всех,
обратно им не выйти,
и в маках слышны крики
зашедших врагов.
Небо в солнце
палит землю,
и мы долбаем
себе отдельно
в зеленых зарослях травы
новые траншеи.
Мы живы!
Но это лишь пока.

Не дан приказ
из полка
на артподготовку,
до конца.
Последний бой,
последняя моя война,
последняя для многих нас
чужая,
пулями свистящая весна.

18.08.12

Олигархофренией системы
страну укачало,
а капитан, рулевой
и мотористы
двигают далее, далее, далее.
Народ, ухватившись за поручни
блюет за борт
на синие волны,
а кто не успел —
тошнится на палубу.
Матросы звереют,
и лупят кувалдой —
здоровые вылупни
в форме ментов.
В углу — пионеры:
красные галстуки, горн, барабан
и призыв “Будь готов!”.
С ними справляется
горстка совдепов
из коммунистов и просто регрессов.
Из трюма я слышу
стон оппозиции —
сопротивлянтов матросам, милиции.
Они не хотят
плыть на посудине,
и рвутся на остров сойти,
чтоб улучшить все.
Но острова остаются за бортом,
мимо болтаются
яхты уродцев,
что тоже должны
на палубе быть,
но они валят с нее
побузить,
развлечься шикаловом,
гульбой с веселинами.

Их не качает,
там все с изгибами,
которые плавно волну принимают,
амортизаторы напряжение снимают,
и яхта, как вкопанный в землю танк,
стоит, отдыхает,
и ждет, чтоб стрельнуть
по врагам.
Олигархофрения системы —
болезнь в самом деле,
взбесившейся команды,
что нужно лечить.
Народ-то укачан,
блюет и стенает:
где же конец пути,
чтоб на берег сойти
не забыть...

22.08.12

Я терплю тебя боль.
Я борюсь с тобой боль
беспощадно.
Порой ты уходишь в загулы,
и пьяной вдруг на мне засыпаешь,
мгновения эти
для меня праздник века.
Я боюсь шевельнуться,
чтобы ты не проснулась
и снова не вцепилась
с похмелья в меня вновь навеки.
Ты жестока,
ты сам сатана.
Эх, была бы с лентой, лежебока,
но планида твоя
и моя ледяная судьба —
две сестры навсегда.
Но я вас оборву,
вдруг, внезапно.
Боль оторву,
и брошу в канаву валяться,
а судьбу растоплю
я на солнце,
в летнем любящем зное,
и с подругой любви
я уйду по траве и по воле.
Но а если на небе
планы другие,
и мне вас обеих,
и боль, и судьбу,
протащить через жизнь,
жизнь в неволе,
все равно я достигну победы,
не сломить мой характер,
как и прежде.

Я уйду в небеса,
в синь далекую,
к звездам,
от счастья шалея,
а вас, двух жестоких,
коварных, ледяных и сильных
я оставляю с телом навечно
в такой же
холодной могиле.

22.08.12

Я метеоритором
ввірвався на землю,
своїми віршами
освітив Божу природу,
освітив і систему,
де нероби гребуть-загрібають
все, що бачать їх очі лукаві,
а народу лишають
лиш суму та тюрму.
Люд страждає,
мов у клітці звірина.
Партія, партії,
сонми партійців —
в жупанах та жилетах,
мундирах —
темно-синіх, червоних
та винних,
що зливають на себе з рогів,
запиваючи здобич.
Вони розгулялись сміливо,
брикливо
і рвуть з України
не куц полину,
а ласі шматки одривають,
і скоро вже підуть
грабувати Європу.
Їх все більше і більше
збиває сила темна,
що у віршах моїх
оприявлена.

Краю,
до якого повзуть,
не бачать.
Мої вірші
їх ставлять на місце,
відведене їм,
як незрячим.

22.08.12

Ми всі так винні в Україні.
Ми так збрехались,
обікрались, обіс....
Слова ці можна нанизати далі.
Ми деграданти по моралі.
Мораль для нас
лишилась там десь,
звідки “пішли в капіталізм”,
та й там моралі тої
було занадто мало.
Її розікрали по державі,
спаплюжили та обміняли
на “тиху сапу”, “тихий рот”,
який закрили нам навік,
нагнавши страху-переляку.
То ще колись
дядьки пихаті, пани, підпанки
навчили нас так жити
закривши рота,
говорити тільки улесливі слова
панам та владі.
Голова стала така,
що й думати не може,
а тільки їсть та лиже ж...
Мораль пропала, мов той сніг,
що випав ще торік —
зчорнів, розтанув і побіг
водою талою в болото.
Пройшли часи...
Прийшли часи...
Мораль нам не знайти.
Її ростити треба довго,
а ми все брешемо
про вовка,
що краде десь телят у полі.
Телята — ми.

І вже доволі брехні
і сорому в країні.
Немає правди і моралі,
і топчеться в гріхах народ.

22.08.12

Такой шум-гам
в стране творится!
Споры до хрипоты,
кипение смолы,
во многих уже
в глазах двоится.
Региональные, вишь мовы,
языки:
английский, русский...
Кто-то “за”,
а кто-то и “в штыки”.
Рев такой, как весною,
быки в коровьем загоне.
Я лично и не против,
ведь дни остались —
скоро осень
и обострение
психики болезней,
а как закрыть нам
столько люду?
Нет в мире
столько спецлечебниц —
пусть поорут,
пусть возбудятся.
Болезнь пусть протекает
в буйстве нации.
Потом, когда морозы первые
и снег,
выборы пройдут
во вверхсовет,
зима придавит мозг,
сожмет сосуды,
и болт
от всех этих прожектов-криков:
останутся и мовы и языки,
кто как говорил,
так и будет.

А та,
больная часть,
забудет,
и зиму перейдем мы тихо.
А там — весна,
и вновь шиза
взорвет все мигом.
Вот так, зигзагом,
синусоидой плывем
в какой-то мутной жиже
с неприятным запахом —
и дом, и улицы, и вся страна.
И кто нас вылечит?
Больных такая тьма...
Наверное когда-то
вечной мерзлотою Колыма...

22.08.12

Господи!
Спаси мене!
Мій гріх тягне,
туде, де той вогонь нечистий
і дим брудний з смоли і сірки.
Я відчуваю на собі
втому від гріхів.
Допоможи!
Твоя є воля в цілім світі.
А хто тут я?
Зблукалий.
Гіркий сором
не дає спокою.
Мій Боже!
Я так хотів з Тобою!
Але земне життя
затягує до втоми й болю,
я віддававсь йому,
живучи днем одним.
Та долі гарної Ти дав мені —
я відчуваю дотик рук Твоїх
на голові своїй.
Спаси,
і не лишай самого!
Я поміж двох доріг
хитаюсь знову,
і тягне гріх, і не дає спокою.
Спаси мене, мій Боже!
І буду я, як колись,
малим дитятком знову.

23.08.12

Перше жовте листя
падає на землю.
Трава довго росу тримає.
Півнеба дощ, півнеба сонце.
Остання літом цим
райдуга п'є воду довго.
Подих осені...
Вітер прохолодний,
зголоднілий —
довго він чекав на волю
в снігах, на півночі —
сумна і в нього доля...
А літо відгоріло, відспівало
в любові.
Холодний дощ,
і небо сіре-сіре...
Та щастя в тім,
що на землі
була і є,
і вічно буде
оця божественна краса!

23.08.12

Прикосновение к гробам,
могилам-горбикам земли
людей великих
таинством стало для нас,
страстью болезненной, как рак,
и мчатся делегации ныне “великих”
по Украине, за пределы.
Им бы молиться...
Но это не тот миг души,
взорвавшейся любовью —
им это чуждо,
может, даже неловко, больно.
Им прикоснуться к холмику земли
поэта, академика,
мента, чьи руки и сейчас в крови,
им прикоснуться, прослезиться,
поставить “галочку” как “птицу”
на протоколах.
Это уж законом стало
носить венки,
цветы в корзинах бутафорные,
толкать речуги
и преклоняться,
поклоняться великим людям,
что в гробах лежат
и поклонителям лишь снятся.

23.08.12

Главковерх гулял, кутил,
он собрал своих верзил,
что в командных верхпостах,
и гулял, как атаман.

Он запил давно с несилы,
от недели, когда сносили
борды новые
противных с оппозиции,
что к верху руки тянут,
угрожают,
власть хотят,
и нервы портят.

Вот опять шум и гам
по миру прессы
о порядках,
что всем здешним
не к нутру
и не по силам.

Главковерха все взбесило:
он им бульдозерный порядок,
для устройки шоколада,
а они все недовольны,
что за люди слабовольны?!

Из кармана
выпал вдруг билет партийный,
где портрет
главковерха-партгеноссе,
а кенгуру,
(привезли друзья ему для куражу)
сожрал, подлец, билет
номер первый.

Главковерх
силы тратил в дрессировке,
гладил друга по головке,
а он, дикий, проглотил
партбилет номер один.

— Не к добру... — сказали
помы.
И полил спиртное в горло,
много лил,
до самой комы,
а верзилы главпостов
подливали, чтоб подох.
Нет, не кенгуру свободный,
а их главный, что лил слезы
из-за ксивы, ё-моё.
А тут снова кенгурьё,
и к столу, чтоб закусить.
Главковерх
любил отмстить
и засунул в сумку зверю
водку, рыбу, виноград,
персики и мармелад,
сверху мисок пять салатов,
и давай от смеха квакать.
А потом решил на звере
прокатить любовь недели —
Таю, что актриска в деле
и прима в первых номерах
бандитартели —
вот пойдет в людей проситься
выбрать их на колесницы,
что волокут страну, народ
в только им видный “вперед”.
Я отвлекся.
Кенгуру
на дыбы встал,
и слетела с него Тая,
о булыжник треснулась,
и растопырил пальцы вверх
наш родимый
главковерх.

Встал, шатаясь, из застолья,
и погнался за зверьком.
Но ушел наш кенгуру,
вниз по Междунорью,
из сумки снесь
летела по просторам.
Главковерх
схватил ружье.
Тут верзилы все до слез
плакать стали и просить,
чтобы зверя, не губить,
смиловившись, простить.
Тая встала,
пыль стрепала,
и, качаясь от вина,
к главковерху подошла,
поцелуем долгим, нежным,
успокоила, как прежде.
И он сел за стол,
налили,
выпили все вновь
за преодоление руины
и виток новый
процветанья Украины.

25.08.12

Рубят кресты в России,
щепки летят,
и сильно
сочится кровь живая
с порубленных крестов.
Не зная,
какая ждет беда
всех православных,
дети сатаны
от той системы жизни
что навязали им,
от злости неустроенности
рано
становятся зверями.
Рубят кресты в России,
и кровь сочится с небес
дождем кровавым
на землю
утром ранним —
то плачет Бог
за нами.
Что ждет нас всех,
я знаю.
Я вижу ужас,
пламя, в котором все сгорают
озверевшие в стране
с игрой без правил,
от злости,
что непреодолимою горою
в державе встала.

Правды нет,
люди устали,
и, дум своих растерянных,
раны
лечат злобой кровавой.
Рубят кресты в России...
Завтра бесы начнут
клонировать зло в Украине...

27.08.12

Передо мной дорога снова.
И грусть опять на сердце
мне знакома
от неизведанных событий,
что ждут меня.
Я слышу крики воронья,
и знаю, знаю я,
что это знак,
который не спроста.
Пройти и пережить.
Пройти и всех простить.
Пройти и не грешить.
А дорога с утра рано
накрытая туманом,
и летней жары
мне не ждать,
осень порогом опять.
Птицы в небе летят
на юг далеко,
и деревья не спят,
ждут золотой листопад.
Дорога, дорога, дорога...
Что ждет меня в ней?
Тревога
неизведанных троп,
где идти мне
совсем одному,
и лишь Бог,
что всегда на пути,
проведет, отведет, сохранит.

27.08.12

В Советском Союзе
был лозунг основ —
“Партия — наш рулевой”.
Сегодня в “свободе”
партии тоже у “кормила”
страны.
Только “кормило” —
не руль,
а корыто:
заходи и гребь.
Страна на плаву
пока остается,
но “кормило” все меньше.
А “элиткам” неймется,
как цепные псы,
озверевшие,
бегают, рыщут
где что уцелевшим осталось,
нетронутым,
вдалеке от “кормила”,
и тащат делить его
рылами в рыло.
Как угодить
новым пришельцам
из преисподней,
не нашедших
другого занятия,
лишь только грабать
без остановки,
чтоб оставить
после себя
роду из племени
редких хапающих
в сумерках времени.
И остановки их
не видать:

коррупция — хлеб,
ети её мать!, —
сплошная и ржавая.
Мы, как старый дурдом,
все помешались в нем —
от главврача со шприцом
все всем вливают,
спасая спасись! —
и пишут бумаги.
Истории жизнь
в этой болезни,
сравнимой с концом,
когда падает небо
и земля кувырком.
На мы не сдаемся,
мы просто легли,
упали, сломались
на обе ноги.
Лежащая нация
под элитным катком.
Бандитско-пиратской
республики ком,
который распутать
уже не дано
пока никому.
И только ОНО —
чудо пришедшее
с солнцем восточным,
утром, как в сказке,
после стрема и ночи
нас оживит.
На это надеясь,
умирая душой,
жизнь продлеваем,
сохраняя дурдом.

27.08.12

Внуку Симону Анатолию

Белый снег
метет по улице.
Мужчина медленно бредет
и хмурится,
и мысли
вихрем снежным в голове
несутся...
Дайте мне свободы
два глотка, ведь столько лет
здесь зона для меня,
свобода только для “братка”.
“Братки” — смотрящие страны
из преисподней сатаны.
А в чем повинны мы?
А снег метет
и чистит улицу,
скрывая мусор
жизни.
Хмурится,
бредущий в неизвестность
человек.
Бродяга он в стране,
где кружит бал блатных
и денег золотых.
А мысли в голове
несутся вихрем-снегом.
Судьбина бьет меня
о берег,
где лодки вмерзшие
во льду,
и я, в надежде,
к ним всю жизнь иду.

И гонит зимний ветер
сутулую фигуру,
глаза к земле,
лицо мрачнее ночи.
А снег метет,
и ветер говорит:
— Иди, иди...

02.09.12

Благодатное лето
пространство теплом наполняет.
Птенцы растут, подрастают,
в птиц превращаются
и летают.
К осени стая взрывает небо,
осенью птицы
летят от зимы,
туда, где вновь наступает лето.
По пути в них стреляют,
стреляют, стреляют...
Спортивная охота —
она расслабляет
тех, у кого мозги выкипают,
и стая тает, тает, тает...
Птицы для счастья бездушных
без конца умирают —
мало их к новому лету
долетает.
...А стая тает, тает, тает,
как облака,
что в белом небе исчезают,
их место
черные тучи
траурным цветом меняют.
А стая тает, тает, тает —
птицы от выстрелов безумцев
умирают...

04.09.12

Бокал любви твоей, Наташа...
Но в нем была страданий чаша.
Я все испил,
но не допил.
Еще бы пил
я все сначала.
— Любовь в любви!
ты от радости кричала,
как птица,
что встречала
друга своего весной.
Любовь с любовью
от начала
я пил огромными глотками,
задыхаясь в мае
от счастья,
в котором
я растаял.
Но горечь
сопровождала
бокал любви.
Тот май тянулся
нам весной годами.
Я знаю,
часто ты бежала
в мир жизни,
который заслонял причалы,
где счастье нас
с тобою ожидало.
И я бежал
лихими днями,
любил других,
но помнил
о твоём бокале,
где майская любовь
сверкала в брызгах,
что вином плескалась,

и мы с тобою
вновь встречались,
в любви сгорая
вечными годами.
Тот май поныне
нас не оставляет...

04.09.12

Двадцать лет
несут нас в никуда
одни и те же
стареющие вздыбленные кони.
Это мы уходим
от совдеповской погони.
А рядом с нами
дряхлым цирком шапито
движется неровно горе
наша система — либералов мастерство,
капитал-олигархическое бесовство.
И рев в толпе,
смотрящих и ведущих:
— Вперед, вперед!
Еще чуть-чуть,
и станет лучше!
Шевелитесь все,
кто может чем,
чтоб нам уйти
из совдепии вообще.
А рядом цирком пугает
нас всех
система без совести
службистов сатаны,
что гонят нас себе в утеху.
В дороге грабят,
снимая последние штаны.
Кони падать начали в пути,
и понял почти каждый умный —
не дойти,
и не уйти
от той совдепии, что в нас внутри,
и нет погони —
то финты
смотрящих и ведущих:

цирк оказался их,
и циркачи
нас ободрали всех в пути.
А кони падают,
и новых нет...
Стареет стадо,
но мчится для утех
куда-то в светлый никуда,
где новая пустыня духа,
скорее — сплошная пустота...

08.09.12

Выборы, выборы, выборы!
И музыку играют трубачи.
Выборы, выборы, выборы!
Сотни партий,
на подмостках
одни лишь ловкачи.
Есть, правда, клоуны,
чуть акробатов,
но стадом фокусники скачут.
Нас покупают,
нас продают...
Нас убивают,
но по нам не поют.
И Бога нет с нами,
а как ему быть?
Одни лишь калеки
к нему, чтоб любить.
Молитва прошла
у нас стороной.
Выборы, выборы —
новой стеной.
Нас покупают,
нас продают...
Нас убивают,
и души плывут
в ад,
что здесь, с нами
рядом всегда,
ад,
что построили
мы для себя.
Стенают с подмостков,
и верим опять,
бюлетни бросим
за орду и за страх,
и не снять нам его
без Бога опять.

Но наши молитвы —
чтоб денег достать.
А кто о душе —
тех мало
в среде помрачневших,
испивших партийное зло.

08.09.12

Ура-патриоты...
“Ура!” за страну,
“Ура!” за язык
и свободу всему.
“Ура!” да “Ура!”
без конца,
без побед, а просто себе,
кто повыше залез.
И крики “Ура!”,
пока не вошла
та что и раньше когда-то —
орда!
И начали рвать
все на себя,
грабить, сгонять.
Народ, как всегда,
спины согнул.
А тут, как всегда,
услышали крик
ура-патриотов,
пришедших спасать.
они появились
в шапках с гербом,
в орде купивших
право на взлом
сердец, что остались
народа с добром.
И снова “Ура!”,
“Ура!” и “Ура!”,
а рядом смеется, наглея, орда.
Рвет все себе,
как и раньше рвала.
— Ура! — патриотам. —
Ура!

08.09.12

Гнилой забор
из партийных свор
уж сколько лет в стране,
где нет свободы людям,
а есть лишь страх
с утра
с не-людей
гонящий ужас,
мрак душе,
а телу сжатых мышц комплект,
с которым а ни жить,
а ни умереть нельзя —
лишь крик отчаянья,
беды.

Гнилой забор
из партийных свор,
его б снести
и сжечь в костре
весь этот хлам,
побитый шашелем.

Грибкам
он был едой,
а здесь стоит — герой.
Собрал народ траву, цветы,
и ходит вдоль забора.
— Ты! — кричу я каждому в лицо,
оставь свой страх,
и разорви кольцо
из гнили,
и вырвись на свободу,
или не живи!
Так жить нельзя!
Но страх,
как та змея,
свернулся у дверей,
и волосы встают на голове,
и пот холодный по спине...

Гнилой забор
из партийных свор —
нам всем позор.
Лучше бы крест, —
за ним ведь свет.
А здесь лишь страх,
адский, мерзкий мрак.

14.09.12

У нас красиво
уже триста лет
все начинается.
Затем отклонения,
поражения
и мы теряемся,
падаем вниз,
где бандитизм, алкоголизм.
Оттуда по сотне лет
смелые рвутся вверх.
Вот снова площадь,
дорога,
кажется, верная,
а на проверку потом
снова — облом.
И так катимся,
пялимся на других —
им повезло,
есть лидеры у них.
А у нас все божки,
и когда их сметают с пьедестала,
оказывается,
что это всего лишь мешки
с деньгами украденными
под царским венцом, —
обычные шарлатаны,
и косоворотный наш дом.
Последние, казалось,
с неба сошли.
Независимость упала,
как на святость венцы.
Но хватило на мало,
и снова пижама,
тумбочка и кровать —
больничка для слабых,
чтоб в ней полежать.

Таблетки, уколы
с информативного поля,
греют душонки
слова лягушонки,
а вскорости видно —
обман
дымом грязным
плывет тут и там.
И снова царьки
оказались мешки
с деньгами и скарбом.
Мы не дошли,
застряли, сблудились
в начале пути.
Больные, слепые
и манят нас
дальше и дальше блудить
с деньгами мешки.

14.09.12

Про них говорят,
что они идиоты,
а они нам с портретов
делают рожи.
Мы их принимаем,
мы их понимаем,
они к нам пришли,
они нами правят,
страну нашу
под себя подгребают.
Побольше, получше
закрыть своим телом,
запрятать по сейфам
они все сумели.
Что-то и здесь,
что-то в Европе,
что-то в Америке —
она им под боком.
Сколько идти к ней?
Шагов, может, двадцать
от лимузина на трап,
чтоб подняться
на лайнер блестящий
в турбинах ревущих —
сожгут керосина
из клана могущих.
Куда там святым
воинам бывшим
с их силой пречистой!
Эти схватили всех,
и вправили дышло,
сбрую одели банкиры,
министры,
топ-менеджеры
и просто бандиты.
И не содрать шлеи из шеи,
еще и молятся за них —

уже носят иконы
главного люди.
Стенают и плачут
бабки-старухи,
то ли от возраста,
то ли от страха,
а, может, любовь
пробудилась в захвате
страны и людей,
где медные трубы,
треск автоматов
потом еще будет,
когда попроснутся
уснувшие в хатах
и выйдут на улицы
согнать всех богатых,
чтобы обратно вернули,
что взяли.
Выйдут когда-то
с пустыми глазами,
в которых отчаянье,
и лица без крови —
выпили всю
“элитные” вволю,
и погуляли по нивах с лесами,
богатства собрали под небесами,
что тоже терпели и долго молчали.
Но гром первый, ранний, весенний,
и ливень —
выйдут лишь смелые, сильные.
Выйдут лишь горсткой,
но с силой святых,
с мечом у руках,
чтоб землю очистить от “НИХ”.

15.09.12

Я — танк, який стріляв
в Багдад.
Я — танк, який стріляв
в Белград.
Я — танк, який стріляв
в Кабул, Дамаск.
Я — танк, який стріляв
і просто так
туди, де місто чи кишлак,
туди, де люди, дітлахи.
Я бачив світ
через багнети.
Я бачив світ, де динаміт
рвав на шматки живих.
Я бачив світ, де динаміт
ламав будинки і шляхи,
якими люди в безвість йшли,
обпалені, і всі в крові.
Я ще міцний,
з ремонту капітального,
швидкий.
І на мені сидить солдат,
кров на його вустах —
ми з ним в боях
за ту свободу,
що далеко так.
А тут загроза нам
на втрату нафти,
і літак шугає бомби вниз —
привчаємо ми до свободи всіх.
Я — танк,
Я — демократ, не просто так.

Я викидаю динаміт,
щоб навчити
вас любові всіх,
хто так відстав,
а тут вже інший світ,
і треба буде
вам змінитись,
стати схожими на всіх,
і я навчаю вас,
кидаючи снаряди-динаміт.

15.09.12

Горобиною червоною
через листя зелене
осінь йде попереду
в перелісках з дібровами.
І злетіло літо
птахами співучими,
у вирій, за теплом
і новими дітками.
Нам лишився смуток,
пам'ять,
ще схід сонця.
Як співали людям,
прославляли Бога!
А тепер злетіли
з літом разом
в небо,
осінь підмінила їх,
так, напевно, треба.
Хутко й листя жовте
на дубах, березах,
і в моїм віконці
візерунки перші,
що мороз змалює
уночі з туманом.
Річка засумує,
як мама за татом,
що полинув в небо,
а її покинув
в листі золотім,
в золотій журбаві.

Тільки крик вороння
в небі надвечірнім
серед хмар стемнілих,
і по чорних крилах
дощ сплива холодний.
Лист в скорботі темним
стане вже за тиждень.
Знову плаче мама,
за татом, що далеко в небі...

15.09.12

Послесловие

Современная украинская литература псевдосвободы времени и вседозволенности времени — такова эпоха потребления и первичного накопления капитала, что если руки не связать, будет накапливать до последнего вздоха. Это первичное накопление капитала?

Нет идеи национальной, нет идеи экономической, здоровой, и на благо человека.

Литература безумствует в своем рынке литературы, превращая слово в базарную разменную монету. Слово был Бог, Слово есть Бог. А мы этим словом выпячиваем свое я, свое порочное бытие, представляя его как правильное. Не все и не вся литература, но ее рынок почти весь.

Слово перестало обличать, наказывать, учить и исцелять.

Я не поучаю кого-то из пишущих, я не обличаю пишущих, но имею право на критику, как часть народа, вышедшего на книжный рынок прикупить, чтобы продать и “наварить” или использовать, но все равно “наварить”.

Это рынок, господа! Это его закон! А как иначе. Деньги, деньги, деньги — они решают все.

Сегодня и завтра, но не всегда, и не все всегда.

Всему есть конец, особенно порочному движению в никуда.

В современной литературе, когда необходимо писать то, что люди смогут использовать для избавления от пороков, для воскресения и пробуждения совести, необходимо все пороки как любостяжание, ложь, алчность, агрессия, зависть, перечислять их можно дальше, вытягивать из человека, общества, ставить перед их очи скромные и бить по этим недостаткам, стараясь не унижать самого человека и общество, народ в целом.

Сегодняшний день бытия болен тем, что все эти страсти захватили естество очень многих. Это вошло в идею и психологию системы жизни.

Деньги и блага любой ценой и только себе, “родному”. Это ошибочный путь и человека и народа в целом.

Это путь греха бушующего пламенем страстей с плохим запахом преисподней.

Это путь вниз по скользкой дороге в ворота, где нет святого Петра.

Литература призвана к тому, чтобы сегодня, как никогда, быть не просто историей болезни народа, а его целителем на знаниях Божиих Законов. Это и будет настоящая литература сегодняшнего дня и завтрашнего, потому что мир дрогнул и пополз в обратную от здравого смысла сторону, о Божиих Заповедях я здесь умолчу, так как сам я тоже есть народ и так же грешен.

Сколько себя знаю, люди не любили власть — ни Никиту Хрущева, ни Брежнева, только чуть-чуть раннего Горбачева. Пушки на лафетах увозили тела царствующих особ к месту последнего назначения, приходил другой — и тоже ненависть.

В украинской новейшей истории народ разделился на два лагеря: демократы и якобы пережитки совдепии, причем линия раздела прошла через хутор, село, город и так далее.

Одни бегают за других на митинги, а другие люто ненавидят тех, остальных. И это еще один большой грех людской.

Люди стали богоотступниками и уже давно. А с капитализмом возникло особое богоотступническое христианское движение. Типа в Бога верю, а заповеди исполнять, особенно те, что о любви, это уже не мое.

А что писатели?

А они также со своим народом. Кто ищет теплое место во власти, кто пишет о трын-траве, а кто-то пишет — рвет себе сердце и нервы. Но о нем мало кто знает и он мало кому интересен. Кто хочет вникать в эту боль?

Кому нужна правда о жизни, о причинах ее упадка?

Но любая ненависть к власти по территории выплескивается из глаз и ртов.

Но вера в Бога остается. И количество прихожан в церквях растет и это радует всех, но жить по Заповедям Божьим?.. Сложно. Да и не хочется.

Но не уйдет от этого наша проза жизни, размешанная на мыле телесериалов с привкусом желчи.

Это еще только ягоды.

Бог терпелив. Он ждет.

Но однажды все может измениться в другую сторону. Где не будет играть роли язык, выборы, партия, поместья. И спрятавшаяся по норам в Конче-Заспах, Междугорьях и Пуще-Водицах власть станет частью народа. Но уже с Колымским снегом напополам. И предатели-писатели будут там с ними, но не как мученики, а богоотступники с такими же богоотступниками из народа.

Верить в Бога мало, верит и сатана, и боится.

А по делам, но дела наши все больше рыночные — купить, продать и “наварить”...

P.S. Я не думал продолжать послесловие к этой книге, но телефонный разговор сегодня со своей приятельницей и другом далекой юности Люсей, а сейчас уже Людмилой Сергеевной, музыкантом-педагогом, заставил меня задуматься, и я решил описать некоторые моменты последних трех месяцев своей жизни.

Люся мне сказала: “Ты счастливый человек. Ты — поэт, пишешь книги, тебя не преследуют”.

Да, я очень счастлив. Я преуспевал в работе, чем бы не занимался; мне не всегда нравилось, но я терпел.

Последние двадцать лет я занимался бизнесом и перетерпел все мытарства современной совдепии с элементами средневековой инквизиции и первобытнообщинного человеколюбия. Было все: и попытки заказного убийства, и террор властей, собирание мзды под прицелом... Но я выдержал. А потом, занявшись литературой, все бросил. Последнюю фирму у меня забрали, к счастью, новые порядконаводители и грабители.

Но три месяца назад мне позвонил один из знакомых писателей и говорит: “Я даю трубку полковнику МВД”

Полковник представился господином ... (но я назову его Пугачем, фамилией, производной от фамилии известного генерала Пукача), и начал какой-то непонятный разговор, который окончил словами: “Нам необходимо встретиться и поговорить за жизнь”.

У меня сильно развитая интуиция, и я понял, что разговор будет не один и о жизни там речь идти не будет.

И действительно, через некоторое время пошел шквал бессмысленных и глупых телефонных разговоров. То он занял какие-то деньги другу рабочего-строителя, который периодически делает в моем доме какие-то мелкие ремонты. “Вот я, — говорит полковник Пугач, — договорился в Дарницкой милиции о том, что этому рабочему положат в карман наркотики, пару пакетов, и он получит двенадцать лет тюрьмы”. Я понимаю, что это глупость, и говорю: “Действуйте”. А в ответ он мне и говорит: “А они скажут, что вы — их крыша”.

И так несколько дней подряд.

Дальше идут мягкие разговоры о необходимости провести какую-то сделку с западной фирмой на семьсот тысяч долларов и он берет меня в долю. Я отказываюсь резко и прошу меня не беспокоить. Бывали дни по пять-шесть звонков.

Потом звонит знакомый художник, который больше бродяга и лентяй, и говорит мне, что-то об этом полковнике Пугаче, что он его друг, и что полковника Пугача обидели чем-то и кто-то, и я в том числе. Дальше мне говорит другой художник, что меня не примут в Союз писателей, поскольку я написал много о правящей элите, вскрыл ее гниль. И меня убьют. А он друг того первого художника.

Я позвонил писателю Евгению Пашковскому и рассказал ему эту историю. Он посоветовал мне написать открытое письмо Президенту Украины, но я делать этого не стал.

Я не испытывал и не испытываю страха.

Но однажды я сказал писателю, который навел на меня полковника Пугача, о том, чтобы полковник Пугач поехал в тюрьму к генералу Пукачу и поговорил об операции с Гонгадзе, чтобы не повторить прокол со мной, а провести ее блестяще, если у него хватит мозгов, но, судя по разговорам, я понял, что их мало. Тот поперхнулся и подавился на пару секунд.

Когда я говорил полковнику, что я поэт, он даже не реагировал.

Полковник МВД и писатель, постукивающий через двад-

цать лет от создания страны, где тайный герб — кистень и пистолет...

И так много раз: то глупые угрозы о руководящем месте в мафии или преступной группировке, то мягкие разговоры, что он может мне помочь и быть моим другом.

Кино в стиле дебилизма!

Угрозы это за стихи, или нет?

Преследование это за стихи, или нет?

У меня нет бизнеса, я беспартийный.

Если кому-то не нравится мой литературный стиль, или он не понимает новое в литературе, это его проблема или его гордыня.

Пока несколько дней мне не звонят.

...19 сентября, ранним утром, полковник позвонил очень бодрым голосом с очередной чушью. Я прервал разговор...

От подобных звонков и подобных действий подобных полковников я понимаю — Украина упала уже очень глубоко...

Я продолжаю писать стихи.

Я все-таки настоящий поэт, и моя поэзия — настоящая литература.

И Бог со мной.

Он любит меня, я чувствую Его любовь.

А это главное.

20.09.12

Содержание

<i>М.Малюк. В безумном мире, в стране безумцев</i>	5
“Країна свят...”	8
“Отсечь прошлое...”	10
“Страх, страх, страх...”	12
“Із вікна лімузину...”	13
“Случайный прохожий...”	14
“Прекрасная женщина...”	16
“Белым вихрем снег...”	17
“В ночь полнолуния...”	19
“День вновь прохладный...”	21
“Мы все рахитичны...”	23
“Мне утром была Помпея...”	25
“Білі журавлі...”	27
“Сталина лик...”	28
“Сивим туманом...”	30
“Горобина лист свій скинула...”	32
“Мати сина...”	34
“Щоб зберегти “грязнучий”...”	36
“Я не хочу, чтобы мне сегодня...”	38
“Мне Бог подарил такие цветы!”	40
“Судьба поперек дороги...”	41
“Мои стихи взорвут весь мир...”	43
“Ми злякались...”	45
“Мой путь предначертан...”	47
“Чуть-чуть рая...”	49
“Покірно голову...”	51
“Деревья вдоль реки рядами...”	53
“Светает...”	55
“На брата брат...”	56
“Нет! Не просыпаться вам в империи...”	58
“Мне не обнять и не объять...”	60
“А в серці осінь...”	61
“Че Гевара!”	63
“Чистота пространства...”	64
“Революция!”	66
“Что можно кому-то...”	69
“Тот берег далекий во снах...”	70
“Война...”	71
“Незаметно быстро...”	72
“Им нужно, ...”	73
“Белый пух...”	74
“Несчастные люди больницы-страны!”	75
“Чем дальше в жизни лес...”	77
“Чому стоять в храмі...”	78
“Уже не выйде на дорогу...”	79
“Безмежна радість літа...”	80
“К тебе я ехал этим летом...”	81

“Ой далеко в небі...”	82
“Білою березою...”	83
“— Русские идут!”	84
“Чорною хмарою...”	86
“Кофе влил...”	88
“Пусть всё дымом...”	89
“Сонця пересвіт...”	90
“Маки червоні...”	91
“Заграва грає...”	92
“Струмочок струменить...”	93
“Нове життя настало знову...”	95
“Світять сади...”	96
“Вовки на поляні...”	97
“З недолі — в долю...”	98
“Мряка...”	99
“Чекаємо зустрічі з тобою...”	100
“Почему так долго в тюрьме...”	101
“Завистью все прочитают...”	103
“Бог дал мне лето...”	106
“Дни мои серые...”	107
“Люди, кричащие в снах...”	108
“У грудях...”	109
“Я белою чайкою...”	111
“На Черноморском берегу...”	113
“Позалізали в нори, шпарки...”	114
“Полип Херхоров...”	115
“Рублевское шоссе...”	116
“На плакате серп и молот...”	118
“Жизнь наизнанку...”	120
“В депутатском зале...”	122
“Уснувшая совесть...”	124
“Не видеть мне ...”	126
“То, что мы не можем победить...”	128
“Спозаранку в голове...”	130
“Выборы у нас, как время года...”	132
“Безлюдь...”	134
“Украина — чудо-горе...”	136
“Там голе поле...”	139
“Они все ставили на деньги...”	140
“Контора “Энергокиев”...”	141
“Предатель с предателем...”	143
“Окриком грозным конвоя...”	145
“От ящика до ящика — судьба...”	147
“Меж сосен двух сухих...”	148
“Ночь кошмаров...”	150
“Сини твої й доньки...”	152
“В белом-белом свете...”	154
“Одиночество...”	156
“Ностальгия — это ты...”	158
“Пуля ищет лучших...”	160
“Олигархофренией системы...”	162
“Я терплю тебя боль...”	164

“Я метеоритом...”	166
“Ми всі так винні в Україні...”	168
“Такой шум-гам...”	170
“Господи!...”	172
“Перше жовте листя...”	173
“Прикосновение к гробам...”	174
“Главковерх гулял, кутил...”	175
“Рубят кресты в России...”	178
“Передо мной дорога снова...”	180
“В Советском Союзе...”	181
“Белый снег...”	183
“Благодатное лето...”	185
“Бокал любви твоей, Наташа...”	186
“Двадцать лет...”	188
“Выборы, выборы, выборы!...”	190
“Ура-патриоты...”	192
“Гнилой забор...”	193
“У нас красиво...”	195
“Про них говорят...”	197
“Я — танк, який стріляв...”	199
“Горобиною червоною...”	201
Послесловие	203

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

М75 Будильник совести. *Поэзия*. — К.: ИПЦ «Киевский университет», 2012. — 212 с.

ISBN

В новой книге Анатолия Можаровского — правда, высказанная на высшем регистре страданий, боли и любви, дабы вразумить и спасти заблудшие и погрязшие в грехах души человеческие.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 27.09.1012.
Формат 60х100 1/16.
Фіз.друк.арк. 13,25. Ум.друк.арк. 14,71.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК No.1103 від 31.10.2002.